

Электронный научный журнал
Южного федерального
университета

*25 лет
ИЭС ЮФУ*

УПРАВЛЕНИЕ В
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНЫХ
СИСТЕМАХ

2020

№ 3(5)

ISSN 2686-9802

Online scientific journal
Southern Federal University

MANAGEMENT IN
ECONOMIC AND
SOCIAL SYSTEMS

*25th Anniversary
of MES SFedU*

2020

No 3(5)

ISSN: 2686-9802

Институт управления в экономических,
экологических и социальных системах

УПРАВЛЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Электронный научный журнал

№ 3 (5), 2020

<http://journal-mes.ru>

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: Эл № ФС 77-74261 от 23.11.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования “Южный федеральный университет”

ISSN 2686-9802

● Главный редактор

Горелова Г.В. - д-р техн. наук, профессор,
Южный федеральный университет
(Таганрог, Россия)

● Заместитель главного редактора

Павлов П.В. - д-р экон. наук, д-р юрид. наук,
профессор, Южный федеральный университет
(Таганрог, Россия)

● Ответственный секретарь

Бабикова А.В. - канд экон. наук, доцент,
Южный федеральный университет
(Таганрог, Россия)

● Ответственный редактор

Кобец Е.А. - канд экон. наук, доцент,
Южный федеральный университет
(Таганрог, Россия)

● Редакционная коллегия

Андреесен Д.-Э. профессор, Остфолдский университет (Халден, Норвегия).
Бакаларчик С. PhD, профессор, Лодзинский технологический университет, Глава Комитета по инновациям и развитию при ЕС (Лодзь, Польша).
Гомес Дж. Ф.С. PhD, профессор, Университет Лиссабона, Лиссабонская школа экономики и менеджмента (Лиссабон, Португалия).
Гушев В.А. PhD, профессор, Софийский университет Святого Климента Орхидского (София, Болгария).
Лутовац М. д-р техн. наук профессор, Объединенный университет Никола Теслы (Белград, Сербия).
Станиславский Р. PhD, профессор, Лодзинский технологический университет (Лодзь, Польша).
Архипов А.Ю. д-р экон. наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия).
Вертакова Ю.В. д-р экон. наук, профессор Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (Курск, Россия).
Костенко М.А. канд. юрид. наук, доцент, Южный федеральный университет (Таганрог, Россия).
Кочергина Т.Е. д-р экон. наук, профессор, Российская таможенная академия (Ростов-на-Дону, Россия).
Малько А.В. д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Институт государства и права Российской академии наук (г. Саратов, Россия).
Макареня Т.А. д-р экон. наук, доцент, Южный федеральный университет (Таганрог, Россия).
Рачипа А.В. д-р социол. наук, профессор, Южный федеральный университет (Таганрог, Россия).
Рыльская М.А. д-р юрид. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва, Россия).
Саак А.Э. д-р техн. наук, доцент, Южный федеральный университет (Таганрог, Россия).
Таранов П.В. д-р экон. наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Россия).

Периодичность выпуска: 4 раза в год.

Языки: русский, английский.

Посвящен исследованиям: экономики и управления,
права и общества.

Основное содержание: результаты оригинальных
научных исследований и аналитические обзоры.

В журнале публикуются статьи проблемного и
научно-практического характера по следующим
научным направлениям:

05.13.01 Системный анализ, управление и обработка
информации (по отраслям);

08.00.00 Экономические науки;

12.00.00 Юридические науки;

22.00.00 Социологические науки.

Авторы: ведущие ученые в области социально-
гуманитарных наук, преподаватели, аспиранты,
магистранты, представители бизнеса.

Основная аудитория: преподаватели, обучающиеся
вузов, руководители органов власти,
представители бизнеса.

MANAGEMENT IN ECONOMIC AND SOCIAL SYSTEMS

Online scientific journal

No 3 (5), 2020

<http://journal-mes.ru>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77-74261 from 23.11.2018

Founder: Federal State Education Institution of Higher Education
“Southern Federal University”

ISSN 2686-9802

● Editor-in-chief

Gorelova G.V. - Doctor of Technical Sciences,
professor, Southern Federal University
(Taganrog, Russia)

● Deputy of the editor-in-chief

Pavlov P.V. - Doctor of Economics, Doctor of
Law, professor, Southern Federal University
(Taganrog, Russia)

● Executive secretary

Babikova A.V. - Candidate of Economics (PhD),
associate professor, Southern Federal University
(Taganrog, Russia)

● Executive editor

Kobets E.A. - Candidate of Economics (PhD),
associate professor, Southern Federal University
(Taganrog, Russia)

● Editorial board

Andreassen J-E	Professor, Østfold University Colledge / Hogskolen i Østfold (Halden, Norway).
Bakalarczyk S.	PhD, Professor, Lodz University of Technology, Head of EU Committee for Innovation and Development, (Lodz, Poland).
Gomes Jg. F.S.	PhD, professor, associate professor of Lisbon school of Economics & Management Universidade de Lisboa (Lisboa, Portugal)
Gushev V.A.	PhD, Professor, Sofia Unoversity ST. Kliment Ohridski (Sofia, Bulgaria).
Lutovac M.	Doctor of Technical Sciences, Professor, University "Union Nikola Tesla" (Belgrade, Serbia)
Stanisławski R.	PhD, Professor, Lodz University of Technology (Lodz, Poland).
Arhipov A. Yu.	Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
Vertakova Yu. V.	Doctor of Economics, Professor, Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Kursk, Russia)
Kostenko M.A.	Candidate of Law (PhD), associate professor, Southern Federal University (Taganrog, Russia).
Kochergina T.E.	Doctor of Economics, Professor, Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russia).
Mal'ko A.V.	Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences (Saratov, Russia).
Makarenya T.A	Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University (Taganrog, Russia).
Rachipa A.V.	Doctor of Sociological Science, Professor, Southern Federal University (Taganrog, Russia).
Ryl'skaya M.A.	Doctor of Law, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Saak A.E.	Doctor of Technical Sciences, associate professor, Southern Federal University (Taganrog, Russia)
Taranov P.V.	Doctor of Economics, Professor, Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russia).

Release frequency: 4 issues per year

Languages: Russian, English.

Dedicated to research: economics and management,
rights and societies.

Main content: original results research and analytical
reviews. The journal publishes articles of problem and
scientific and practical nature of the following
scientific areas:

05.13.01 System analysis, management and processing
information (by industry);

08.00.00 Economic Sciences;

12.00.00 Jurisprudence;

22.00.00 Sociological Sciences.

Authors: leading scientists in the field of humanities,
teachers, graduate and master students, business representatives.

Main audience of the journal: teachers, students enrolled at
universities, heads of government, business representatives.

СОДЕРЖАНИЕ

Клочков В.В. Рачипа А.В.	К 25-летию ИУЭС ЮФУ: история, устремленная в будущее	5
Klochkov V.V. Rachipa A.V.	The 25th Anniversary of IMES SFEDU: forward-looking history	
Бутенко Е.Д.	Цифровой рынок инноваций	11
Butenko E.D.	Digital innovation market	
Защитина Е.К.	Переход на дистанционное образование: предпосылки и последствия	20
Zashchitina E.K.	Changeover to the distance education: background and consequences	
Костенко М.А. Аксенова Е.А.	Глобальное и национальное регулирование киберпреступлений и кибертерроризма как угроз международной безопасности	27
Kostenko M.A. Aksenova E.A.	Global and national regulation of cybercrime and cyber terrorism as threats to international security	
Макареня Т.А. Андриенко Р.В.	Инновационный потенциал Ростовской области как фактор развития промышленных инновационно-территориальных кластерных образований	35
Makarenya T.A. Andrienko R.V.	Innovative potential of the Rostov region as a factor of the industrial innovation territorial cluster formations' development	
Нифонтова А.В.	Анализ генезиса понятийно-терминологического аппарата «качество жизни» населения	42
Nifontova A.V.	Analysis of the genesis of the conceptual and terminological apparatus of the «quality of life» of the population	
Подопригора М.Г. Замурий Д.В. Германова В.Г.	Организационное поведение в международном бизнесе	49
Podoprigora M.G. Zamuriy D.V. Germanova V.G.	Organizational behavior in international business	
Шпорт А.А.	Анализ генезиса и систематизация понятийно-терминологического аппарата «уровень жизни»	55
Shport A.A.	Analysis of the genesis and systematization of the conceptual and terminological apparatus of the "standard of living"	
Гавриш Е.Н. Орлова В.Г.	Enterprise as ecosystem: analysis of the institutional environment	60
Gavrish E.N. Orlova V.G.	Предприятие как экосистема: анализ институциональной среды	
Иваненко Т.А. Орлова В.Г.	Развитие портово-промышленных предприятий: институциональный аспект	66
Ivanenko T.A. Orlova V.G.	Development of port-industrial enterprises: the institutional aspect	

К 25-ЛЕТИЮ ИУЭС ЮФУ: ИСТОРИЯ, УСТРЕМЛЕННАЯ В БУДУЩЕЕ**Клочков В.В.¹, Рачипа А.В.²**¹*Южный федеральный университет,
докт. ист. наук, доцент*²*Южный федеральный университет,
докт. социол. наук, профессор*

Целью данной статьи является описание 25-летней эволюции Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (ИУЭС ЮФУ). Прослеживается сложный путь ИУЭС ЮФУ от периода становления (1995–2000 гг.) к устойчивому развитию (2000–2005 гг.), интеграции в рамках ЮФУ (2006–2012 гг.), организационным изменениям и кризису (2013–2015 гг.) и последующему восстановлению (с 2016 г.). Отмечается важная роль руководителей института (в обеспечении поступательного развития ИУЭС и формировании его уникального образовательного, научного и кадрового потенциала).

Ключевые слова: историческая биография; 25-летний юбилей; Таганрогский государственный радиотехнический университет (ТРТУ); факультет экономики, менеджмента и права (ФЭМП); факультет управления в экономических и социальных системах (ФУЭС); Южный федеральный университет (ЮФУ); Инженерно-технологическая академия (ИТА); Институт управления в экономических, экологических и социальных системах (ИУЭС).

THE 25TH ANNIVERSARY OF IMES SFEDU: FORWARD-LOOKING HISTORY**Klochkov V.V.¹, Rachipa A.V.²**¹*Southern Federal University,
Doctor of History, Associate Professor*²*Southern Federal University,
Doctor of Sociology, Professor*

The aim of the article is to depict the 25 years of evolution of Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of Southern Federal University (IMES SFedU) in all its complexity and controversy. The history of IMES traces back from the years of foundation (1995–2000) to sustainable development (2000–2005) via integration within SFedU (2006–2012) to the crisis, structural changes (2013–2015) and recovery (since 2016). An important role of leaders in the development of IMES and formation of its unique educational, scientific and personnel potential is also has been taken into consideration.

Key words: historical biography; 25th anniversary; Taganrog State University of Radio Engineering (TSURE); Faculty of Economics, Management and Law (FEML); Faculty of Management in Economic and Social Systems (FMES); Southern Federal University (SFedU); Academy of Engineering and Technology (AFT); Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems (IMES).

Написать историю – дело не только сложное и хлопотное, но и требующее определенного мужества. Особенно тогда, когда нужно рассказать об институте, который еще сравнительно молод и фактически родился на твоих глазах. Об институте, с которым так или иначе оказалась связана твоя жизнь. Кроме того, история по своей природе субъективна, и потому всегда существует опасность, что она раскрывает пишущего куда больше, чем то, о чем он пишет. Не стоит забывать и о том, что в силу удаленности событий и свойств человеческой памяти не всегда удается найти необходимый баланс между общим историческим фоном, историей института и биографиями людей, работавших и работающих в нем. Все это в полной мере относится к Институту управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (ИУЭС ЮФУ), расположенному в г. Таганроге.

В первой половине 90-х гг. прошлого века в отечественном образовании происходили значительные изменения. Распад СССР и последовавший за этим глубокий экономический кризис в значительной степени сократили потребность в инженерных кадрах, подготовкой которых всегда славился Таганрогский государственный радиотехнический институт (ТРТИ). Молодой и энергичный ректор института Владислав Георгиевич Захаревич, впервые в его истории избранный непосредственно трудовым коллективом, понимал, что для выживания в новых экономических условиях и сохранения в будущем инженерных направлений подготовки необходима диверсификация образовательных программ. Первым шагом на этом пути стало преобразование в 1993 г. ТРТИ в университет (ТРТУ), ясно обозначившее новый вектор в его развитии. В сентябре 1994 г. в университете был основан Межотраслевой региональный центр повышения квалификации и переподготовки кадров (МРЦПКиПК), ставший своеобразной «кузницей кадров» для будущих гуманитарных образовательных программ ТРТУ.

Сегодня «лихие 90-е» часто вспоминают с негативными коннотациями, но история не знает черно-белых времен. Нужны были нестандартные подходы и быстрые решения, которые не побоялось принять руководство ТРТУ в лице ректора Владислава Георгиевича Захаревича, первого проректора Бориса Ивановича Пахомкина и директора МРЦПКиПК Геннадия Ивановича Иванова. Это умение решать и брать на себя ответственность в ситуации полной неопределенности – тоже неотъемлемая часть того сложного и противоречивого времени. Уже через год после создания МРЦПКиПК Ученый совет ТРТУ принимает решение о создании в университете первого гуманитарного факультета, а 29 сентября 1995 г. вышел приказ ректора ТРТУ о создании Факультета экономики, менеджмента и права (ФЭМП). Именно с этой даты и ведет отсчет своей истории современный ИУЭС ЮФУ.

Первым деканом ФЭМП стал доктор технических наук, профессор Г.И. Иванов. Именно благодаря энергии и целеустремленности этого человека в первые пять лет существования ФЭМП были преодолены многие трудности и «болезни роста», а также достигнуты значительные успехи. Нужно отметить, что первые годы деятельности ФЭМП отнюдь не были безоблачными. Приходилось не только с нуля создавать то, что в официальных документах именуется «материально-технической базой» и «кадровым потенциалом», но и преодолевать известное сопротивление «классических» факультетов. Дело в том, что в условиях резкого сокращения государственного финансирования образования фактическое «выживание» этих самых классических факультетов стало возможным благодаря тем доходам, которые МРЦПКиПК и ФЭМП получали от платных образовательных услуг. Не будем лукавить – многим эта ситуация была не по душе. Не все разделяли энтузиазм В.Г. Захаревича по поводу открытия в университете новых «не технических» программ подготовки, полагая, что ТРТУ следует сохранить свое традиционное лицо, тогда как «юристов и экономистов», если и следует готовить, то лишь как неизбежное в трудном финансовом положении зло. Многие считали, что ФЭМП – чужеродное тело в ТРТУ, поскольку к тому времени уже семь лет существовал естественно-гуманитарный факультет (ЕГФ), обеспечивавший гуманитарную составляющую при подготовке инженеров.

Понимая всю сложность положения, Г.И. Иванов сделал все возможное, чтобы обеспечить максимально быстрое и уверенное развитие ФЭМП в структуре университета. Изначально в структуре ФЭМП было всего три кафедры: экономики (заведующий – кандидат технических наук, доцент Виктор Ефимович Ланкин), информатики (заведующий – доктор технических наук, профессор Леонид Самойлович Берштейн) и психологии (заведующий – кандидат педагогических наук, доцент Валерий Петрович Медведев). Профессорско-преподавательский состав факультета состоял из 71 человека, из которых лишь трое были докторами наук, а 43 – кандидатами наук. Контингент студентов в момент создания факультета составлял всего 237 человек.

Однако ни очевидные трудности, ни неблагоприятная статистика не мешали Г.И. Иванову вести планомерную работу по укреплению позиций ФЭМП. Важным событием в истории факультета стало создание в 1996 г. кафедры государственного и муниципального управления,

которую возглавил мэр города Таганрога, доктор социологических наук Сергей Иванович Шило. Между ТРТУ и администрацией города был заключен комплексный договор о совместной деятельности в направлении экономико-правового образования и формирования кадрового потенциала г. Таганрога, что дало новый толчок в развитии ФЭМП. В 1997 г. состоялся первый выпуск студентов по специальностям «Менеджмент» и «Информационные системы в экономике» в количестве 78 человек. В мае 1999 г., в рамках подготовки к лицензированию направления подготовки «Юриспруденция», на факультете была создана кафедра теории права и правовой информатики. Возглавил кафедру начальник Ростовского юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор Павел Петрович Баранов.

Столь стремительное развитие ФЭМП в первые пять лет его существования объясняется не только объективными потребностями экономики страны, выходящей из кризиса, в новых квалифицированных кадрах. Дело еще и в личных качествах Г.И. Иванова, который активно привлекал молодых и активных коллег к факультетским делам, не стесняясь поручать молодежи самые трудные и ответственные участки работы. Достаточно сказать, что заместителем С.И. Шило на кафедре государственного и муниципального управления стал молодой кандидат технических наук, доцент Андрей Эрнестович Саак. Он же в 1995 г. (в 29 лет) стал первым и, забегая немного вперед, заметим, бессменным заместителем декана, а впоследствии – директора института – по научной работе, и находится на этом сложном и ответственном посту по сей день. Именно на его плечи легла тогда основная работа по лицензированию специальности «Государственное и муниципальное управление». Аналогичным образом, помощником Г.И. Иванова на посту проректора ТРТУ по дополнительному профессиональному образованию и заместителем П.П. Баранова на кафедре теории права и правовой информатики стал кандидат исторических наук, доцент Виктор Викторович Клочков. В 27 лет ему пришлось решать сложную задачу по лицензированию в ТРТУ направления подготовки «Юриспруденция».

Спустя пять лет усилия декана Г.И. Иванова и его молодых соратников принесли свои плоды. Начинался новый этап в жизни ФЭМП, когда бурное становление сменилось устойчивым поступательным развитием факультета. «Трудности роста» были в известной степени преодолены, и уже никому не приходилось объяснять, для чего нужен факультет и какие задачи в структуре ТРТУ он призван решать. К 2000 г. обучение на факультете проводилось по 9 специальностям: «Менеджмент организации», «Экономика и управление на предприятии», «Маркетинг», «Прикладная информатика в экономике», «Математические методы в экономике», «Коммерция» (торговое дело), «Государственное и муниципальное управление», «Документоведение и документационное обеспечение управления» и «Социально-культурный сервис и туризм». В числе профессорско-преподавательского состава факультета было уже 9 докторов наук: Г.И. Иванов, Л.С. Берштейн, Г.В. Горелова, А.Н. Целых, В.В. Вяткин, П.П. Баранов, Н.П. Кетова, Ю.С. Колесников, В.М. Белоусов и 54 кандидата наук. Общее количество преподавателей факультета превысило 100 человек. За 5 лет было подготовлено и выпущено 453 дипломированных специалиста, из них 121 получили дипломы с отличием.

Значительным событием на факультете было проведение в 2000 г. первых защит в открытом годом ранее диссертационном совете К063.13.04 по специальности 05.13.10. «Управление в социальных и экономических системах». Председателем совета стал доктор экономических наук, профессор Ю.С. Колесников. С 2001 г. спектр образовательных программ ФЭМП пополнился направлением подготовки «Юриспруденция». Отметим, что это был первый и единственный к тому времени случай, когда провинциальный технический университет получил лицензию на такого рода подготовку. Не будет преувеличением сказать, что 50-летие ТРТУ, отмеченное в 2002 г., ФЭМП встретил как наиболее динамично развивающееся структурное подразделение ТРТУ. Этот динамизм сохранился и в дальнейшем. В 2001 г. кафедру теории права и правовой информатики возглавил В.В. Клочков, а годом позже заведующим кафедрой государственного и муниципального управления становится А.Э. Саак.

В 2003 г. в структуре ФЭМП появляются новые кафедры: теории права (заведующий кафедрой – кандидат исторических наук, доцент В.В. Клочков) и гражданского (с 2013 г. – гражданского и корпоративного) права (заведующий кафедрой – кандидат юридических наук, доцент М.А. Костенко). Последнее обстоятельство позволило ТРТУ в 2005 г. получить лицензию на право подготовки по специальности «Юриспруденция».

К 2005 г. оформились и основные научные направления ФЭМП, которыми стали: актуальные проблемы региональных экономических реформ, исследование процессов взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг, формирование инновационных стратегий развития крупных промышленных предприятий, моделирование социально-экономических и организационно-управляющих систем в государственном и муниципальном управлении, сервисе и туризме, когнитивное моделирование поведения систем и организаций разного уровня в целях прогнозирования, управления ситуациями, разработки стратегий устойчивого развития, формализация, алгоритмизация и моделирование нормативно-правовой деятельности, разработка юридических информационно-советующих систем, а также сравнительное правоведение, сравнительное конституционное право, право Европейского Союза. Этот спектр направлений ярко демонстрировал не только междисциплинарное научное лицо факультета, но и спектр возможностей для дальнейших научных исследований.

Следующий период в истории факультета (2006-2011 гг.) был связан с вхождением ТРТУ в состав нового образовательного учреждения – Южного федерального университета, созданного распоряжением Правительства РФ в ноябре 2006 г. По сути, этот период можно было бы определить сегодня как первый этап интеграции в составе ЮФУ, когда структурные подразделения ВУЗов, вошедших в состав нового университета, пытались выстроить новую систему взаимоотношений друг с другом. Здесь в очередной раз стоит отметить прозорливость Г.И. Иванова, который еще за полгода до создания ЮФУ предпринимал усилия по поиску нового «лица» факультета, теперь уже в рамках предполагаемого объединения. Итогом этих усилий стало решение Ученого совета ФЭМП, в соответствии с которым приказом ректора ТРТУ от 19 апреля 2006 г. факультет экономики, менеджмента и права был переименован в факультет управления в экономических и социальных системах (ФУЭС). Это было сделано в целях более полного отражения в названии факультета специфики реализуемых им профессиональных образовательных программ, а также особенностей, существующих в ТРТУ научных направлений.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что жизненная практика подтвердила правильность принятого в 2006 г. решения. К моменту создания ЮФУ ФУЭС представлял собой мощную научно-образовательную структуру. Общий выпуск специалистов за 11 лет (1995-2006 гг.) составил 2570 человек. В 2010 г. в институте работали 115 преподавателей, в т. ч. 12 докторов наук и профессоров, 56 кандидатов наук и доцентов. Общая острепенность преподавателей института составляла 62%. На ФУЭС функционировал диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальностям: «Управление в социальных и экономических системах» и «Экономика и управление народным хозяйством».

В ноябре 2011 г. в истории ИУЭС произошло трагическое событие – ушел из жизни декан Г.И. Иванов. Однако и в этот сложный период сработали заложенные им принципы управления, в частности, ставка на молодые кадры. В апреле 2012 г. на должность декана ФУЭС была избрана выпускница ФЭМП, доктор экономических наук, доцент Инна Константиновна Шевченко. Летом того же года ректором ЮФУ становится доктор экономических наук, профессор Марина Александровна Боровская. Для нового ректора ФУЭС был «родным» факультетом – здесь она занимала должность заведующего кафедрой экономики.

Два года руководства И.К. Шевченко, до ее назначения в феврале 2014 г. проректором ЮФУ, и в целом период до 2016 г. стали сложным этапом в развитии факультета. Более плотная интеграция структурных подразделений в единое научное и образовательное пространство ЮФУ привела к оптимизации структуры университета. Вслед за созданием на

базе факультетов ЮФУ в г. Таганроге Инженерно-технологической академии (ИТА) последовал приказ ректора ЮФУ от 25 декабря 2013 г. «О создании Институтов в структуре ИТА». Именно с этого времени ведет свою историю Институт управления в экономических, экологических и социальных системах (ИУЭС), куда вошли все кафедры ФУЭС и 5 кафедр ЕГФ. «Исторический спор» о роли и месте ФУЭС и ЕГФ в ЮФУ решился их объединением. Такие шаги всегда болезненны, тем более, когда они происходят на фоне коренного изменения подходов к руководству образовательными программами и на фоне кадровых сокращений. Пик этой турбулентности пришелся на 2014-2015 гг., когда ИУЭС возглавлял доктор технических наук, профессор Виктор Владимирович Петров. Сложно сказать, насколько успешен был бы любой руководитель в такой неопределенной и полной противоречий ситуации, но каких-либо серьезных успехов в свой «младенческий» период ИУЭС не добился.

В декабре 2015 г. институт возглавил доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент Павел Владимирович Павлов. С этого времени начинается современный этап в развитии ИУЭС, и рассматривать его исторически, следуя всем канонам биографического жанра, было бы преждевременно. Однако уже сегодня можно смело констатировать, что ИУЭС – это образовательное и научно-исследовательское подразделение ЮФУ, занимающееся реализацией образовательной деятельности и научных исследований по 12 направлениям в области социальных, экономических, гуманитарных и инженерно-технических наук, активно использующее интеграцию направлений деятельности института, с целью создания междисциплинарной интегрированной образовательной среды «образование-наука-бизнес», а также разработки и внедрения конвергентных технологий устойчивого развития общества. Студенты ИУЭС изучают гуманитарные и информационные технологии управления экономическими, экологическими и социальными системами, применяют их в учебной и научной деятельности. Они изучают экономическую теорию, менеджмент, маркетинг, бухгалтерский учет, право, информационные технологии в бизнесе, лингвистику и профессиональный перевод, историю, философию и безопасность жизнедеятельности. Студенты имеют возможность приобрести опыт в процессе обучения, проходя практику не только на предприятиях города, в банках, органах государственного и местного самоуправления, в суде и правоохранительных органах, а также в других организациях и учреждениях, но и за границей.

Несмотря на все сложности «переходного периода» 2013-2015 гг. ИУЭС сохранил основные образовательные программы бакалавриата и специалитета. Например, образовательная программа «Перевод и переводоведение», одна из самых востребованных в ЮФУ, набор на которую осуществляется ещё с 1998 года. В 2019 г. была аккредитована новая образовательная программа «Правовое обеспечение национальной безопасности», которая пришла на смену подготовке юристов, завершённой в ИУЭС в 2020 г. Значительно расширился спектр реализуемых ИУЭС магистерских программ, сформировалась и успешно функционирует научная школа института «Когнитивное моделирование социально-экономических и организационно-управляющих систем», возглавляемая профессором Г.В. Гореловой. С 2019 г. на базе ИУЭС издается журнал «Управление в экономических и социальных системах», учредителем которого является ЮФУ. Значительно расширилась география поступающих в ИУЭС студентов, в том числе из-за рубежа. В период с 2014 по 2020 гг. были защищены шесть докторских диссертаций (А.Э. Саак, В.В. Клочков, В.Г. Орлова, Т.В. Корсакова, О.В. Галустьян, Е.В. Краснощеков) и двенадцать кандидатских диссертаций (О.И. Жданько, Ю.Ю. Юрова, Х.В. Сударкина, К.В. Дрокина, А.В. Ханина, М.Ю. Ланкина, Л.В. Ткачева, К.В. Самонова, Е.В. Каплюк, Е.К. Защитина, А.А. Плешивцева, С.В. Сташ). Удалось сохранить и кадровый состав института, работающий на 10 кафедрах: государственного и муниципального управления (заведующий – доктор технических наук, доцент А.Э. Саак), инженерной экономики (заведующий – доктор экономических наук, доцент Т.А. Макареня), иностранных языков (заведующий – доктор педагогических наук, профессор Г.А. Краснощекова), лингвистического образования (заведующий – кандидат педагогических наук, доцент Ю.В. Привалова), менеджмента и инновационных технологий (заведующий –

кандидат экономических наук, доцент Д.В. Арутюнова), правовых основ национальной безопасности (заведующий – кандидат юридических наук, доцент М.А. Костенко), социологии, истории и политологии (заведующий – доктор социологических наук, профессор А.В. Рачипа), кафедры философии (заведующий – доктор философских наук, доцент И.В. Лысак), экологии и безопасности жизнедеятельности (и. о. заведующего – доктор педагогических наук, доцент Е.Н. Каменская), экономики предприятия (заведующий – кандидат экономических наук, доцент Т.В. Федосова). Успешно осуществляют свою деятельность в составе ИУЭС МРЦПКиПК (и. о. руководителя – доктор исторических наук, доцент В.В. Клочков), центр довузовской подготовки (руководитель – кандидат физико-математических наук, доцент И.Б. Доценко) и НОЦ «Политехнический музей ЮФУ». Именно сохранение кадрового потенциала института, определение его места в структуре ЮФУ, расширение международных партнерств и связей и формирование нового междисциплинарного лица, привлекательного для абитуриентов, стало главной задачей нынешнего директора ИУЭС П.В. Павлова и главным направлением развития института с 2016 года.

Написать историю – дело сложное, но еще сложнее порой написать биографию института. Спустя годы многие события предстают в ином, подчас довольно неожиданном виде. Меняется эпоха, меняется мир вокруг нас, а принятые когда-то решения все еще влияют на ход событий. И хотя многое из того, что казалось важным некогда, теперь таковым не кажется (впрочем, возможно и обратное), очевидно, что принятое в середине 1990-х гг. решение о создании ФЭМП, наследником которого сегодня является ИУЭС ЮФУ, представляется закономерным и обоснованным. Выбор в пользу подготовки специалистов социально-экономического профиля в рамках изменения модели функционирования высшего инженерно-технического учебного заведения привел к возникновению зрелого структурного подразделения с собственными научно-образовательными достижениями и традициями. Несмотря на постоянный поиск оптимальных организационных форм, институт сумел найти собственное место и доказать право на существование в структуре ЮФУ, обеспечив высокий уровень подготовки по дисциплинам гуманитарного профиля, став кузницей руководящих кадров ЮФУ и сформировав собственную научную школу. Именно эти обстоятельства и позволяют коллективу ИУЭС уверенно смотреть в будущее.

Для цитирования:

Клочков В.В., Рачипа А.В. К 25-летию ИУЭС ЮФУ: история, устремленная в будущее // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. № 3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

Сведения об авторах:

Клочков Виктор Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: vvklochkov@sfedu.ru.

Рачипа Андрей Валерьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: avracipa@sfedu.ru.

ЦИФРОВОЙ РЫНОК ИННОВАЦИЙ

Бутенко Е.Д.

*Северо-Кавказский федеральный университет,
канд. экон. наук, доцент*

Целью данной статьи является исследование специфики цифрового рынка, особенности понятия цифровой инновации на нем. В статье приведен анализ проникновения интернета в ключевых регионах планеты, охарактеризована интеграция инновационных технологий в целях формирования единой коммуникативной среды. Классифицирован рынок инноваций, проведен его анализ, на основе которого выявлены характерные черты этого рынка, влияющие на показатель цифровой конкурентоспособности России. По результатам исследования сделан вывод о том, что государство является главным инструментом продвижения цифровых инноваций, организовывая и реализуя структурную политику в инновационной области, формируя институциональные условия и создавая инфраструктурные предпосылки для внедрения новейших технологий, непосредственно поощряя их коммерциализацию и стимулируя спрос.

Ключевые слова: цифровой рынок, технология; экономика; инновация.

DIGITAL INNOVATION MARKET

Butenko E.D.

*North-Caucasus Federal University,
Candidate of Economics, Associate professor*

The purpose of this article is to study the specifics of the digital market, the features of the concept of digital innovation in it. The article analyzes the Internet penetration in key regions of the world, describes the integration of innovative technologies in order to form a unified communication environment. The innovation market is classified and its analysis is carried out, based on which the characteristic features of this market that affect the indicator of Russia's digital competitiveness are identified. According to the results of the study, the state is the main tool for promoting digital innovation, organizing and implementing structural policies in the innovation field, creating institutional conditions and creating infrastructure prerequisites for the introduction of new technologies, directly encouraging their commercialization and stimulating demand.

Keywords: digital market; technology; economy; innovation.

В современных реалиях глобализации экономики для компаний и бизнеса в целом инвестирование в традиционный рынок и его производные становится все менее прибыльным и эффективным решением. Вместо этого компании, банки и брокеры предпочитают сосредотачивать свои финансовые расходы на цифровом маркетинге, бросая вызов устаревшим промышленным технологиям. Электронный маркетинг помогает выстраивать информационный диалог с потребителями в новом, постоянно меняющемся мире информационных технологий, на основе которого происходит оценка актуальности и прибыльности бизнеса, прогнозируются лучшие стратегии его дальнейшего развития, вычисляются показатели спроса и релевантности [15].

Инвестирование в новые научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) дает возможность построения абсолютно новых, усовершенствованных бизнес-моделей и способствует приобретению практического опыта как сотрудникам, так и руководителям.

Сегодня цифровые инновации лежат в основе каждой успешной организации. Ведь первостепенные задачи каждого предприятия строятся на необходимости повысить эффективность внутренних операций, модернизировать их, чтобы производить лучше, быстрее и дешевле конкурентов; найти новые способы привлечения пользователей;

произвести и вывести на рынок новые, более перспективные товары и услуги. Именно для реализации этих целей и предназначен цифровой (электронный) рынок инноваций [3].

Цифровизация бизнеса не ограничивается лишь информационной и научно-технической отраслью. Введение инновационных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в цифровой сфере – также одна из самых заметных и предсказуемых тенденций и для нетехнических компаний на современном мировом рынке. Тяжелые отрасли промышленности, такие как горнодобывающая и железнодорожная, уже имеют опыт использования цифровых инноваций, применяя их для обеспечения безопасности работников, автоматизации выполнения производственных задач и привлечения новых клиентов [1].

Для полного понимания темы и ее дальнейшего раскрытия необходимо изучить некоторые термины, их значение и сферы использования. Подробнее стоит рассмотреть такие определения, как:

- цифровизация и цифровой рынок;
- автоматизация;
- инвестиции и инвестирование;
- инновации.

Все эти элементы современного рынка и производства взаимосвязаны: существование одного невозможно без другого, возможно даже является его «побочным эффектом». Все они образуют единую систему цифрового рынка инноваций.

В английском языке существуют два очень похожих термина: «digitization» – что дословно означает «оцифровка» и «digitalization» – «цифровизация». Эти слова тесно связаны между собой и схожи по звучанию, однако каждое имеет свое определенное значение и локальную сферу употребления.

Оцифровка – это процесс преобразования информации в цифровой формат. В этом формате информация преобразуется в дискретные единицы данных, называемые битами, которые могут быть отдельно упорядочены в многоуровневых группах, называемых байтами. Это двоичные данные, которые могут обрабатывать компьютеры и многие вычислительные устройства. Оцифровка информации облегчает ее хранение, доступ и практическое использование.

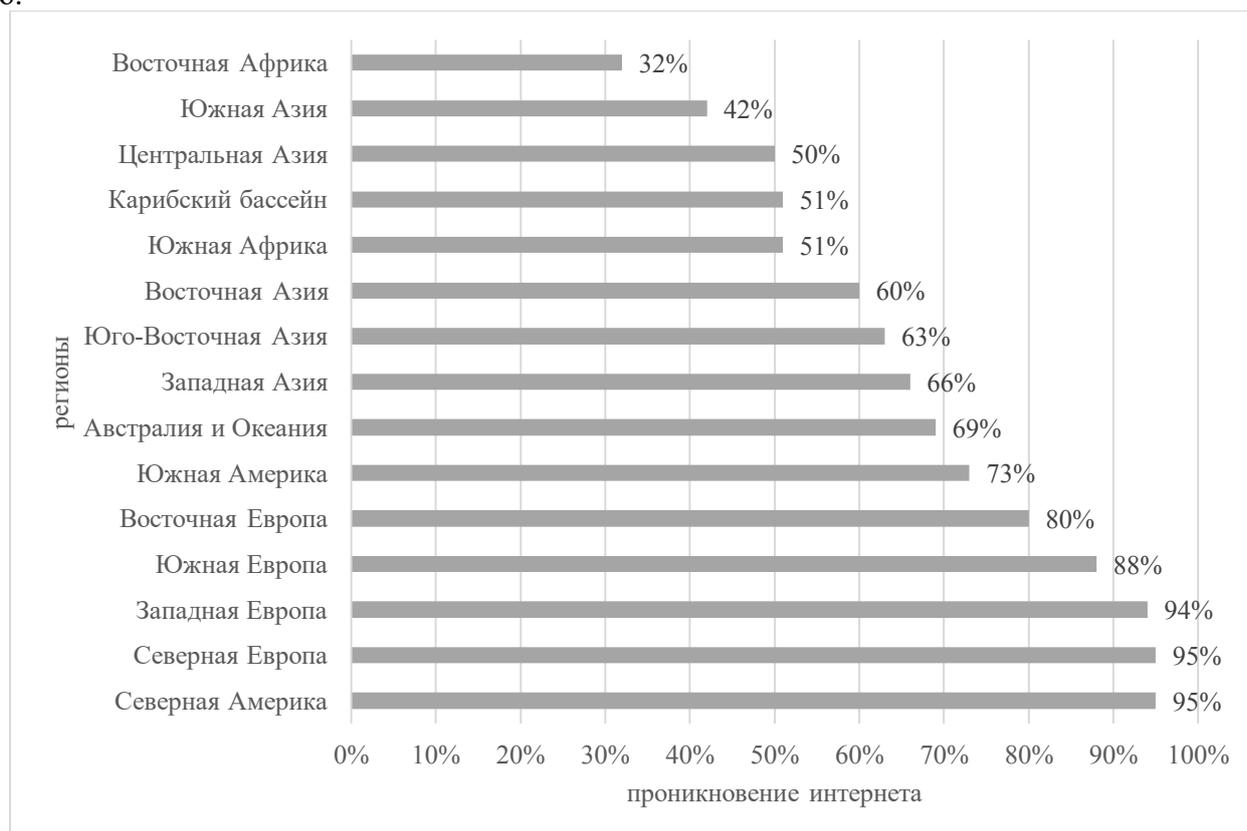
Цифровая экономика – результат процесса инновационного развития экономики, который характеризуется активным применением компьютерных технологий во всех сферах деятельности человека. Особенностью цифровой экономики является трансформация сфер экономики: выдвигание на лидирующую позицию сферы науки и образования как поставщика интеллектуального ресурса в сферы производства цифрового продукта и его потребления [5].

Основное различие между цифровым и традиционным рынком – это, во-первых, среда, через которую клиенты узнают о товарах или услугах, предлагаемых предприятиями и организациями, во-вторых, использование уже проверенных и отлаженных проектов, моделей и планов производства. В то время как традиционный маркетинг использует традиционные средства массовой информации, такие как журналы и газеты, визитные карточки; цифровой маркетинг использует цифровые средства массовой информации, такие как социальные сети или веб-сайты (рис.1).

Проведение традиционного маркетинга является весьма дорогостоящим и трудоемким занятием, так как включает в себя продвижение товаров или услуг через печатные издания, то есть печатные материалы или рекламу. Также необходимо нанять людей для распространения этих печатных материалов, для рекламы этих конкретных продуктов или услуг. Изготовление и размещение баннеров и билбордов стоит немалых денег. К тому же при ведении традиционно-направленного бизнеса сложно настроить и проанализировать коммуникацию с потенциальным клиентом и практически невозможно накопить нужное количество информации для эффективного прогнозирования.

Множество людей часто путают интернет-маркетинг и цифровой маркетинг, или же полагают что это и есть автоматизация бизнеса, однако это заблуждение. Цифровой маркетинг

и рынок в целом – это процесс привлечения клиентов на основе использования цифровых технологий и инноваций, которые в свою очередь состоят из многих современных цифровых отраслей, таких как: интернет-маркетинг, автоматизация, финансовые технологии, мобильные и компьютерные технологии, машинное обучение, новые TV и радио-технологии. Электронный маркетинг также проявляется и в офлайн-среде: различные приложения, QR-коды, SMS и MMS сообщения, рекламные цифровые табло. Иногда этот термин все-таки может является синонимичным определением процесса автоматизации. Это второе значение исходит из того, что в контексте именно бизнес-проекта мы оцифровываем документы или информацию для того, чтобы с помощью компьютерных технологий автоматизировать наиболее трудоемкий уровень производства, следовательно, усовершенствовать и ускорить его.

Рисунок 1 – Проникновение интернета в ключевых регионах планеты, относительно всего их населения к концу 2019 г.

Автоматизация в экономике – это лишь метод цифровизации бизнеса, путем создания программного обеспечения и систем для замены повторяющихся процессов, уменьшения ручного управления человеком. Автоматизация позволяет автоматизировать систему или действие. Например, роботизированная автоматизация технологических процессов (RPA) может быть запрограммирована для выполнения больших объемов повторяющихся задач, которые обычно выполняли люди. RPA также способна быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и переменным [16].

Инвестирование, согласно кембриджскому словарю терминов, – это акт вложения денег, времени, труда или приобретения предмета и технологий, с целью получения дохода. Существует несколько видов и областей инвестирования, однако в дальнейшем мы будем анализировать статистику инвестирования именно в сферу новых НИОКР-технологий [20].

Инновацией является не всякое новшество или нововведение, а лишь такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы. Цифровой рынок инноваций весьма многогранен и включает в себя множество различных секторов развития технологий в современном бизнесе.

Также на цифровой рынок оказывает влияние следующее поколение технологий, которые

непосредственно связаны с интернетом. Такие, как:

- мобильные технологии;
- большие данные (BigData);
- искусственный интеллект;
- технологии цифровых валют;
- бесконтактные технологии;
- биометрические технологии – основанные на биометрии, речь идет о динамических (поведенческих) и статических (физиологических) характеристиках.

Общение составляет основную часть жизни всех людей. Основным видом взаимодействия является коммуникация клиента с финансовой организацией (табл. 1).

Таблица 1 – Интеграция инновационных технологий в целях формирования единой коммуникационной среды

Сфера интеграции	Сервис коммуникации/продаж
Веб-сайт	<ul style="list-style-type: none"> • опция осуществления звонка в контакт-центр; • видео-конференц-связь; • чат-мессенджер (общение со специалистом), чат-бот; • интеграция с соцсетями и др.
Личный кабинет/интернет-банк	<ul style="list-style-type: none"> • опция звонка в контакт-центр; • чат-мессенджер (общение со специалистом), чат-бот
Специальное мобильное приложение/интернет-банк	<ul style="list-style-type: none"> • опция осуществления звонка в контакт-центр; • чат-мессенджер (прямое общение со специалистом, выполнение ряда операций), чат-бот; • геолокационные сервисы и др.
Социальные сети	<ul style="list-style-type: none"> • виртуальные отделения с видео-конференц-связью (отделения в соцсети)
Терминалы, банкоматы, инфокиоски, интерактивные экраны и др.	<ul style="list-style-type: none"> • видео-конференц-связь для связи со специалистами; • полноценный доступ к онлайн-услугам. Пользователь может проводить денежные операции с помощью компьютера или мобильного телефона
Отделения (включая smart отделения с максимальным самообслуживанием и «отделения будущего»)	<ul style="list-style-type: none"> • онлайн-банкинг; • multifunctionальные банкоматы и терминалы; • опция осуществления звонка в контакт-центр для решения сложных задач с участием профильного специалиста; • роботизированные помощники с возможностью обучения; • интерактивные экраны с возможностью осуществления платежных и прочих финансовых операций

По итогам исследования ВШЭ «Индикаторы цифровой экономики: 2019», внутренние затраты государства на развитие цифрового рынка за период 2017-2018 год превысили сумму в 3324,1 млрд руб. Это составляет примерно 3,6 % от общего количества ВВП страны за данный промежуток времени. Внутренние затраты организаций и затраты домашних хозяйств (без учета затрат на потребление цифрового контента) – 2949,0 млрд руб. (88,7%) – были распределены следующим образом: предпринимательский сектор – 1344 млрд руб. (1,5%); сектор сельского хозяйства – 1209,8 млрд руб. (1,3%); государственный сектор – 358 млрд руб. (0,4%); сектор высшего образования – 23,6 млрд руб. (0,03%); и сектор некоммерческих

организаций – 13,6 млрд руб. (0,01%) (рис.2). Также были учтены затраты организаций и сельских хозяйств на потребление продукции сектора контента и СМИ (в части цифрового контента) – 375,1 млрд руб. (0,4%) [17].

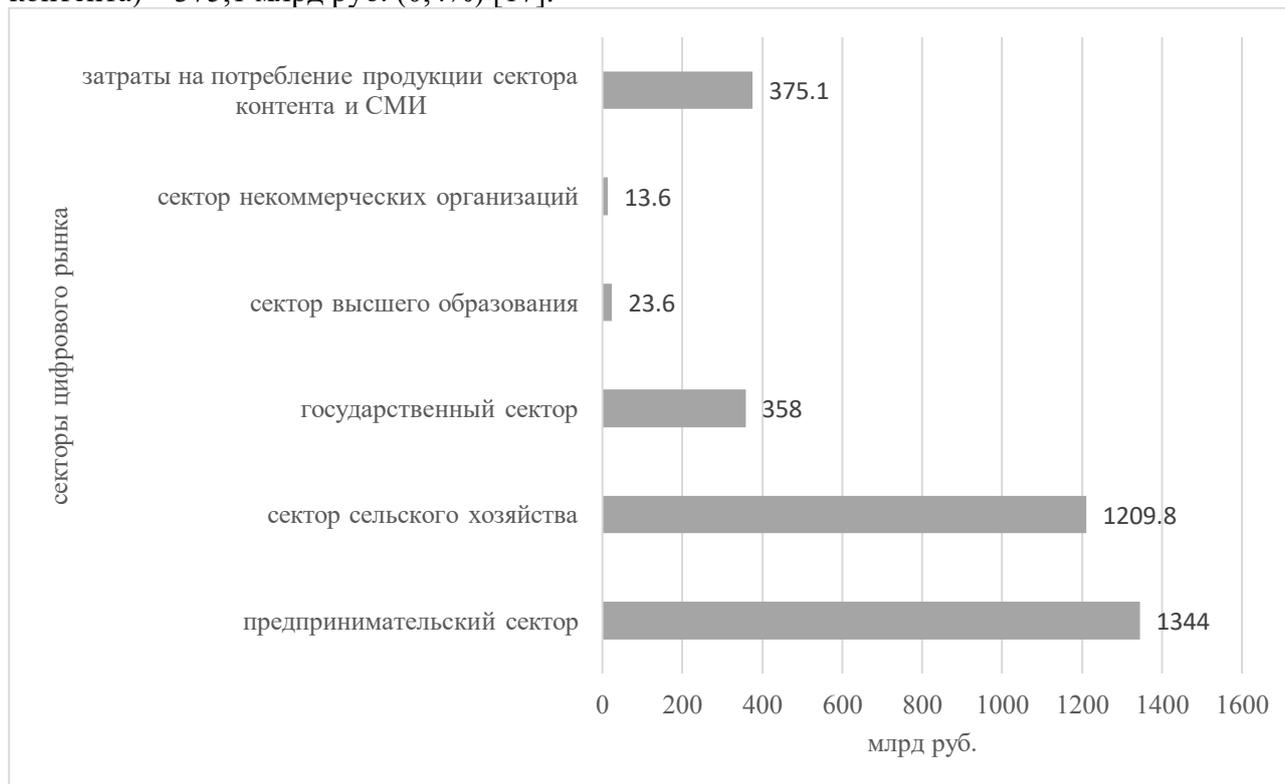

Рисунок 2 – Распределение денежных средств по секторам цифрового рынка

Из (рис.2) видно, что около 80% затрат распределены между двумя секторами: предпринимательским и сельскохозяйственным. И это объяснимо. Доля городского населения постоянно возрастает, что требует увеличения продовольственных ресурсов, сельское хозяйство должно удовлетворить растущие базовые потребности общества и рынка. Сектор сельского хозяйства способен полностью удовлетворить эти потребности только при условии внедрения инновационных цифровых технологий. Они, в свою очередь, не только связывают и налаживают коммуникацию производителя и потребителя, но и совершенствуют существующий процесс производства и оборота продукции на внутренних и международных рынках.

Предпринимательская сфера же является наиболее конкурентной и экономически выгодной. Условия серьезной конкуренции, стремление увеличить капитал и чистый доход – это основные факторы, влияющие на эффективное и стремительное развитие предпринимательства. Именно в этих условиях и формируется необходимость введения инновационных технологий и их практического использования с целью усовершенствования бизнес-моделей и методов производства [2].

Помимо финансовой поддержки развития цифрового рынка, указом Президента от 28 июля 2017 г. № 1632-р была утверждена и официальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации: 2018-2024». В программе четко и структурированно описаны основные задачи проекта [15]. Общая сумма финансирования проекта – 1,627 трлн рублей, из них около 1 триллиона – это средства федерального бюджета. Масштабное внедрение цифровых технологий в экономической и социальной структурах – одна из главных национальных целей развития современной России. Именно эту непростую задачу и призван решить национальный проект «Цифровая экономика» [15].

Однако, несмотря на затраты и частичную реализацию этой программы, формирование и развитие цифрового рынка в России исходят только из тех обстоятельств, когда предприниматели не способны самостоятельно создавать инновации, новые технологии, а

пытаются получить их из прошлых результатов научно-исследовательских работ времен СССР. Из-за этого рынок данной сферы формируется специфическим и, скорее, отрицательным образом. Для рынка инноваций РФ характерны [9]:

- полузакрытые барьеры входа и выхода;
- низкая инвестиционная активность;
- слабый экономический рост.

Итогом всех проблем стал слабый показатель индекса на цифровом рынке конкурентоспособности стран (IMD World Digital Competitiveness Ranking) (рис.3).

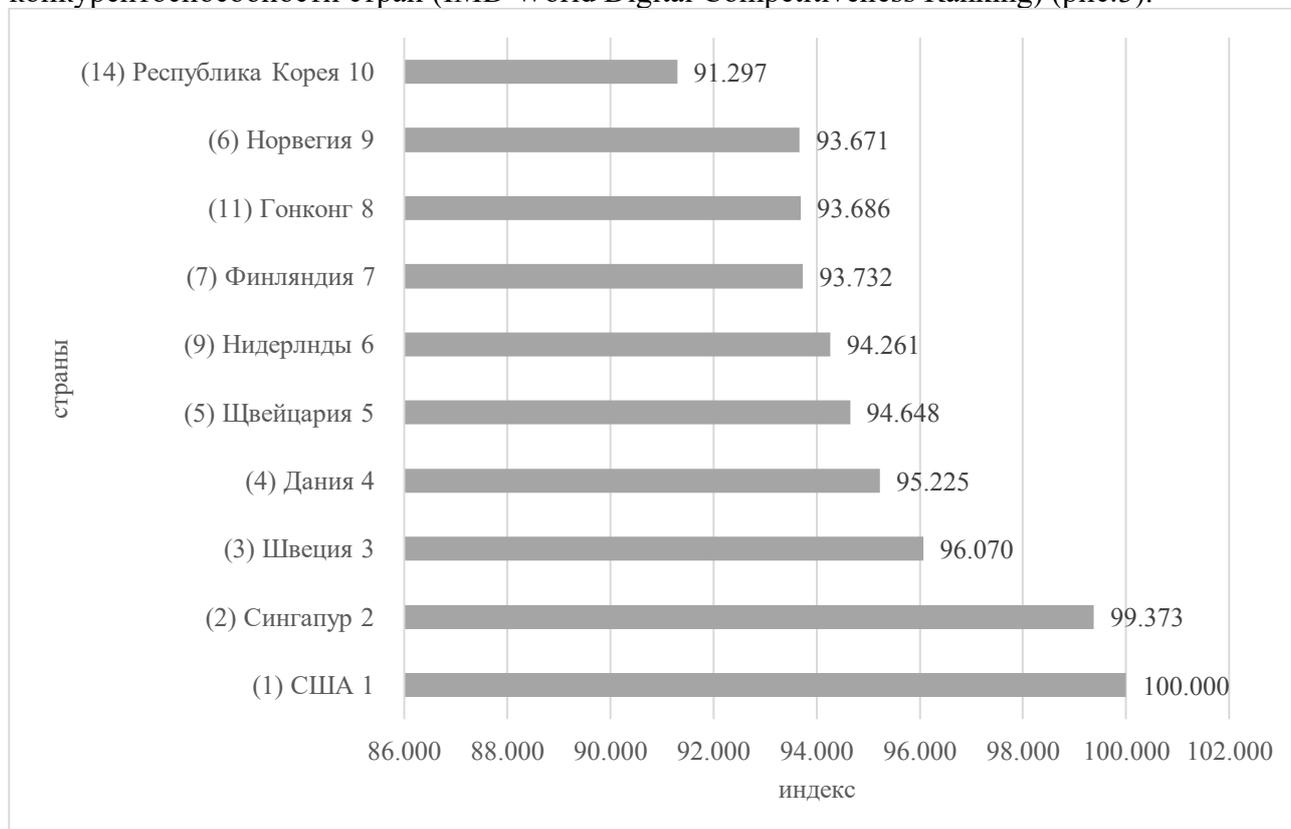

Рисунок 3 – Первая десятка стран по совокупному показателю цифрового индекса конкурентоспособности (IMD) [8]

На (рис.3) представлен рейтинг цифровой конкурентоспособности (IMD) десяти ведущих стран 2019 года из 63 включенных в список. Рейтинги рассчитываются на основе 51 критерия ранжирования: 31 вид различных методов определения по экономическим и статистическим показателям и 20 расчетных методов на основе информации опросных данных. Также показаны перемещения стран по позициям, по отношению к предыдущему рейтинговому отчету за 2018 год (показано в скобках). Значение индекса или совокупная «оценка» указывается для каждой страны отдельно с точностью до тысячных [8].

Несмотря на увеличение рейтингового места в общем списке, где Россия за год смогла подняться на две позиции и переместилась с 40 на 38 место, отставание от ведущих стран цифрового рынка все еще существенно. Пятерку самых конкурентоспособных стран составили: США (100) – первое место, Сингапур (99,373) – второе, Швеция (96,070) – третье, Дания (95,225) – четвертое, Швейцария (94,648) – пятое. Можно отметить также успехи цифрового рынка Нидерландов (94,261) – переместились с девятой позиции на шестую; административного района Китая – Гонконг (93,686) – скачок с одиннадцатого места на восьмое; и Республики Корея (91,297), которой удалось перейти на четыре позиции выше и закрепиться на десятой строчке рейтинга. Эти успехи стран – прямое следствие создания и использования подрывных инноваций.

Подрывные инновации – это инновации, которые создают новую рыночную и ценностную сеть и в конечном итоге разрушают существующий строй рынка, вытесняя ведущие на рынке фирмы, продукты и альянсы.

В многочисленных международных рейтингах, которые тем или иным образом отражают позиции цифрового развития стран, Россия также далека от лидерских позиций.

В соответствии с интернациональным индексом цифровой экономики государств ЕС (International Digital Economy and Society Index, I-DESI), Российская Федерация из числа семнадцати государств - не членов ЕС, чьи характеристики также анализировались, попала на двенадцатую строчку, обойдя Китай, Турцию, Мексику и Бразилию (рис.4). В совокупном всемирном индексе I-DESI, показатель индекса Российской Федерации оказался немного выше минимального среднеевропейского – сравним с показателями Греции, Кипра и Болгарии [13].

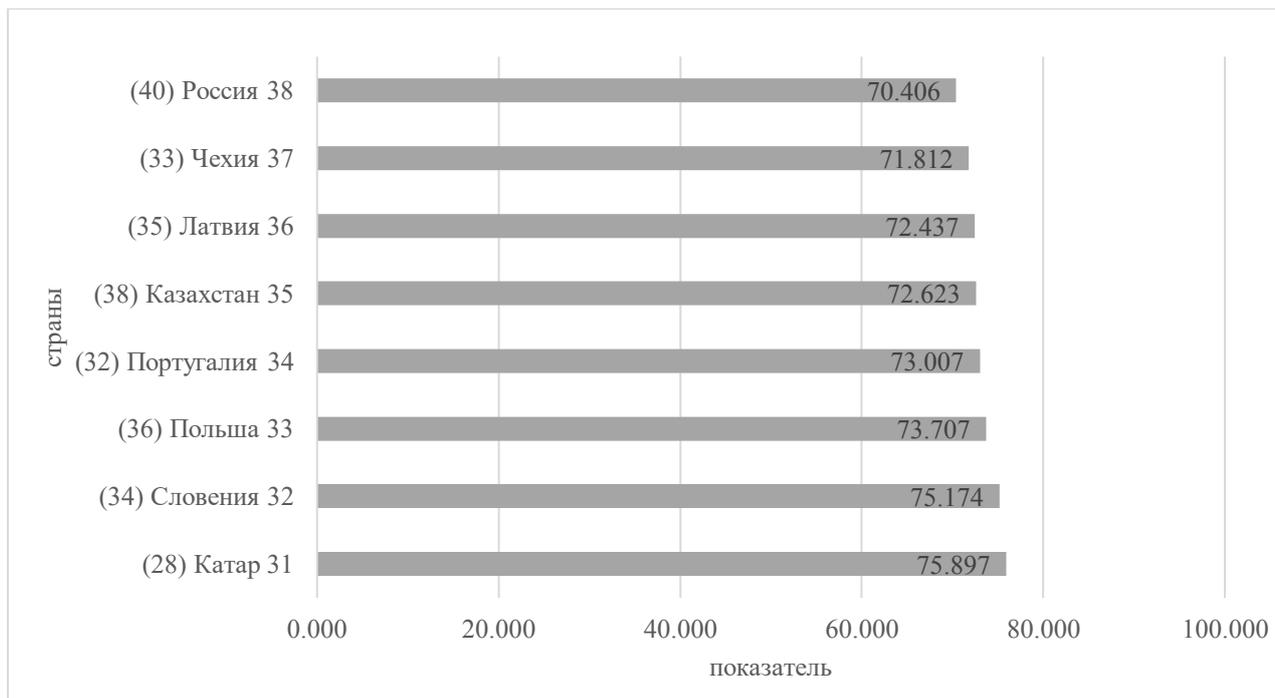

Рисунок 4 – Рейтинг России на рынке цифровых инноваций согласно совокупному показателю цифрового индекса конкурентоспособности (IMD) [8]

По расчету рейтинга самых инновационных стран мира, который каждый год составляет агентство Bloomberg – Bloomberg Innovation Index, нашей стране отведено лишь 27-е место. Первое место занимает Германия, за ней следуют соответственно местам: Южная Корея, Сингапур, Швейцария и Швеция. Основными катализаторами индекса Bloomberg являются такие показатели, как: патентная деятельность, концентрация научных экономических кадров, эффективность высшего образования, количество технологических компаний, эффективность труда, увеличение капитала производства и расходы на инновационные технологии [7].

Как видно из таблицы 2, цифровая экономика бурно развивается не в Пакистане и не в странах Африки, а там, где люди испытывают потребность в свободном времени. Страны, где уровень жизни высок и людям не нужно думать только о «глотке чистой воды или куске хлеба», появляется необходимость в свободном времени и самореализации. Спрос на цифровую экономику – это спрос на развитие социальных инициатив.

За минувшие годы РФ добилась значительного прогресса в формировании цифрового правительства и в области обеспечения государственной кибербезопасности. В конечном счете, еще одно преимущество России – высокие показатели вовлеченности и участия населения в секторе цифровой экономики. Однако, достичь научно-технического прорыва без участия государства абсолютно невозможно. Это доказывает опыт государств, являющихся на сегодняшний день лидерами интернациональных рейтингов цифровизации.

Таблица 2 – Рейтинг наиболее инновационных стран мира

Рейтинг 2020	Рейтинг 2019	Изменение позиций	Экономика	Показатель	Расходы на инновационные технологии	Увеличение капитала производства	Эффективность труда	Количество компаний	Эффективность образования	Научные кадры	Патентная деятельность
1	2	1+	Германия	88.21	8	4	18	3	26	11	3
2	1	1-	Ю. Корея	88.16	2	3	29	4	16	5	11
3	6	3+	Швейцария	87.01	12	2	4	17	1	13	5
4	4	0	Швеция	85.67	4	6	14	10	17	3	19
5	7	2+	Израиль	85.50	4	16	19	7	13	7	18
6	5	1-	Финляндия	85.03	1	31	15	5	32	2	7
7	3	4-	Дания	84.00	10	15	9	14	24	9	10
8	11	3+	США	83.22	7	24	6	8	31	1	24
9	8	1-	Франция	83.17	9	27	12	1	47	29	1
10	10	0	Австрия	82.75	13	39	16	2	20	17	8
11	12	1+	Япония	82.40	6	11	13	19	12	8	16
12	9	3-	Нидерланды	82.31	5	5	35	9	30	16	12
13	15	2+	Бельгия	81.28	17	28	17	6	36	12	14
14	13	1-	Китай	79.93	11	25	11	13	49	14	13
15	16	2-	Ирландия	78.80	15	14	47	11	5	39	2
...											
26	27	1+	Россия	68.63	33	37	43	30	25	23	25

Только государство является главным ее инструментом, организовывая и реализуя структурную политику в инновационной области, формируя институциональные условия и создавая инфраструктурные предпосылки для внедрения новейших технологий, непосредственно поощряя их коммерциализацию и стимулируя спрос [10].

Цифровой продукт сегодня это инновация, которая внедряется во все сферы экономики. Понимая суть инноваций в новых условиях, обучаясь управлять ими и эффективно использовать, предприниматель может выйти на новый уровень ведения бизнеса в условиях жесткой конкуренции в цифровом мире.

Список литературы:

1. Абрашкин М.С., Вершинин А.А. Влияние цифровой экономики на развитие промышленности РФ // Вопросы региональной экономики. – 2018. - № 1. – С. 3-9.
2. Багаутдинова Н. Г. Никулин Н.Г. Новые конкурентные преимущества в условиях цифровизации // Инновации. - 2018. - № 8. - С. 80-83.
3. Баранов Д. Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1, Экономика и управление. – 2018. – № 2 (25). – С. 15- 23.
4. Бубнова Г., Емец В., Куренков П. К толкованию "цифровых" логистических понятий (Часть I) // Логистика. – 2018. - № 5. – С. 44-47.
5. Бутенко Е. Д. Определение цифровой экономики. Мнения, взгляды, оценки // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2020. – № 3 (78). – С. 209-223.
6. Бутенко Е.Д. Искусственный интеллект в банках сегодня: опыт и перспективы // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24. – № 1 (769). – С. 143-153.
7. Всемирный индекс инновационных стран мира Bloomberg Innovation Index 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation>
8. Всемирный рейтинг мировой конкурентоспособности на цифровом рынке IMD 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness->

rankings-2019/

9. Догучаева С.М. Тенденции развития современных инновационных технологий и цифровой экономики // Вопросы региональной экономики. – 2018. - № 2. – С. 40-47.

10. Землянкина М.П. Россия и тренды цифровизации / Журнал «БОСС». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bossmag.ru/archiv/2019/boss-sentyabr-oktyabr-2019g/rossiya-i-trendy-tsifrovizatsii.html>

11. Зубов Ю.С., Лопатина Н.В., Неретин О.П. Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: теория и практика управления / Ю. С. Зубов, // Информационные ресурсы России. – 2018. - № 1 (161). – С. 2-5.

12. Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А. Л., Рожкова Е. С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. - 2018. - № 4. - С. 5-25.

13. Интернациональный индекс цифровой экономики государств ЕС (International Digital Economy and Society Index, I-DESI) – 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation>

14. Лаптева Е.В., Барбасова Т.А. Применение нейронных сетей в задачах идентификации// Материалы конференции «Научное сообщество студентов». – 2015. – С: 68-71.

15. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // 2019. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Цифровая_экономика_России.

16. Пономарева Г.Т., Рафикова А.Р. Автоматизация и роботизация как одно из направлений инновационного развития экономики // Вопросы экономики и управления. – 2018. – №4. – С. 1-8.

17. Посталюк М.П., Посталюк Т.М. Цифровизация локальных систем региональной российской экономики: потребности, возможности и риски // Проблемы современной экономики. – 2018. - N 2 (66). - С. 174-177.

18. Фурсова Т.В. Некоторые аспекты и перспективы внедрения финансовых инноваций на финансовом рынке России // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2020. – № 3 (19). – С. 95-99.

19. A.J Scott Brennen, Daniel Kreiss/ digitalization. [Электронный ресурс]. – URL: https://scholar.google.co.uk/citations?user=MCTDqvEAAAAJ&hl=en#d=gs_md_citad&u=%2Fcitations%3Fview_op%3Dview_citation%26hl%3Den%26user%3DMCTDqvEAAAAJ%26citation_for_view%3DMCTDqvEAAAAJ%3AUeHWp8X0CEIC%26tzm%3D-180/.

20. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>.

Для цитирования:

Бутенко Е.Д. Цифровой рынок инноваций // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. №3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

Сведения об авторах:

Бутенко Екатерина Дмитриевна кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры цифровых бизнес-технологий и учётных систем Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Контактная информация: edbutenko@gmail.com.

УДК 330

ПЕРЕХОД НА ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Защитина Е.К.

*Южный федеральный университет,
канд. экон. наук*

Целью данной статьи является выявление тенденций на рынке высшего образования, а также определение инструментов и факторов, которые позволили максимально эффективно перейти учреждениям высшего образования на дистанционный формат работы в рамках противодействия распространению COVID-19. Для достижения поставленной цели был проведен анализ факторов, оказывающих прямое и косвенное воздействие на систему высшего образования, а также основных тенденций, которые предшествовали периоду до начала распространения COVID-19, рассмотрены успешные примеры реализации онлайн-образования от ведущих вузов, компаний и стран в целом, а также дана оценка эффективности проведенных мероприятий на примере Южного федерального университета.

Ключевые слова: дистанционное образование; COVID-19; life-long learning; Университет 20.35; Южный федеральный университет; массовые открытые онлайн курсы; образовательные онлайн-платформы.

CHANGEOVER TO THE DISTANCE EDUCATION: BACKGROUND AND CONSEQUENCES

Zashchitina E.K.

*Southern Federal University,
Candidate of Economics*

The purpose of this article is to identify trends in the higher education market, as well as to identify the tools and factors that made it possible for higher education institutions to switch to a distance work format as efficiently as possible in order to counter the spread of COVID-19. To achieve this goal, an analysis of the factors that have a direct and indirect impact on the higher education system was carried out, as well as the main trends that preceded the period before the spread of COVID-19, successful examples of the implementation of online education from leading universities, companies and countries in general were considered, as well as an assessment of the effectiveness of the measures taken on the example of the Southern Federal University.

Keywords: distance education; COVID-19; life-long learning; University 20.35; Southern Federal University; massive open online courses; online learning platforms.

Прошло полгода с того момента, как образование наравне со многими другими сферами экономики и жизнедеятельности человека в одночасье перешло полностью на онлайн формат в связи с введенными требованиями по противодействию COVID-19. И если ранее под онлайн-образованием в основном понималось использование в образовательном процессе массовых открытых онлайн-курсов или же самообразование (для получение необходимых навыков и компетенций), то по данным ЮНЕСКО [1] с 30 марта более 166 стран мира закрыли свои образовательные организации, переведя около 1 520 млн. обучающихся (87% от общего количества студентов) и 60 млн. преподавателей на дистанционный формат работы (рис. 1). Из статистических данных видно, что в ряде стран ограничительные меры по работе образовательных учреждений не сняты до сих пор.

При этом, изменения коснулись не только осуществления образовательного процесса. Были отложены или отменены все научные мероприятия, программы академической мобильности, спортивные и творческие мероприятия, командировки сотрудников. В целом произошли изменения и в процессах управления деятельностью университета (организации совещаний

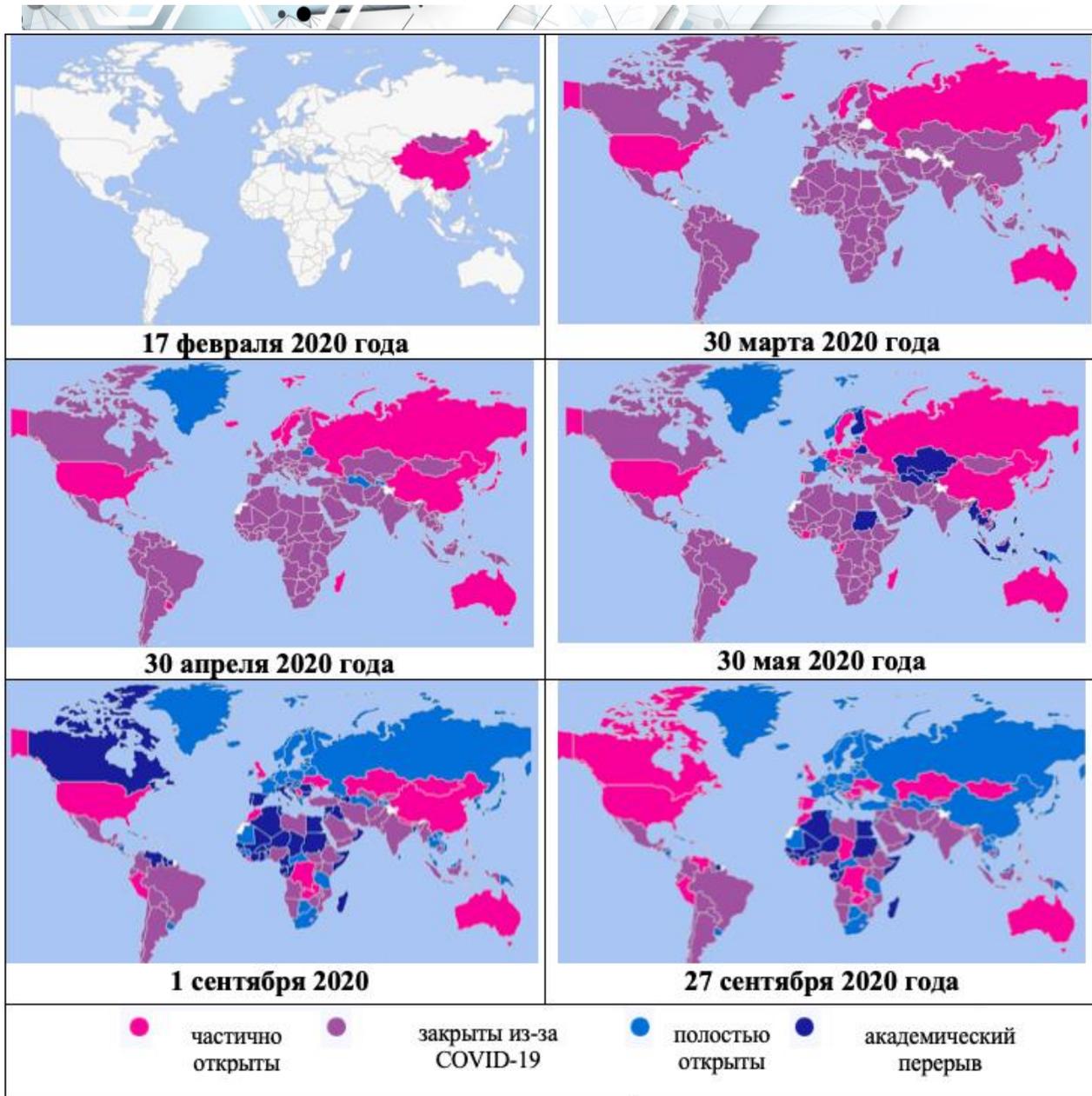

Рисунок 1 – Глобальный мониторинг работы учебных заведений в мире [1]

документооборота, учета рабочего времени), произошли изменения и в ряде внутренних локальных нормативных актов.

Таким образом, в течение нескольких недель образовательные учреждения по всему миру встали перед рядом вызовов:

- необходимость изменения методик преподавания и оценивания, контента и структуры занятий в связи со стремительным переходом на дистанционную форму обучения;
- применение методик дистанционного контроля;
- максимальная интеграция массовых открытых онлайн курсов в образовательный процесс;
- реинжиниринг бизнес-процессов;
- появление новых эргономических и технических требований к рабочему месту преподавателя и студента;
- изменения в оценке трудозатрат и нормировании труда, а также психофизиологии учебной деятельности.

Конечно же все эти вызовы не произошли внезапно и многие образовательные учреждения уже имели практики работы в дистанционной образовательной среде по причине ряда прямых и косвенных факторов, которые оказывают влияние на образование уже на протяжении ряда лет (табл. 1).

Таблица 1 – Факторы, оказывающие прямое и косвенное воздействие на систему высшего образования [2,3]

Прямое воздействие	Косвенное воздействие
<ul style="list-style-type: none"> • рост масштабов и географического разнообразия рынка высшего образования; • рост наукоемких производств, объема научной и технической информации, основанные на быстрой смене технологий, вызывающих необходимость в постоянном повышении квалификации сотрудников и приводящих к возрастанию значения отдельных компетенций сотрудников; • выход на первый план междисциплинарных научных исследований; • наличие мощных внешних средств мыслительной деятельности, приводящих к автоматизации не только физического, но и умственного труда; • постоянный и устойчивый рост производительности труда. 	<ul style="list-style-type: none"> • выход на глобальный рынок технологий будущего; • рост зависимости мировой экономики от экономики развивающихся стран; • переход от индустриального общества через экономику знаний к обществу, основанному на знаниях; • рост спроса на новые знания и навыки, связанный с увеличением сложности социально-технических систем и появлением черт VUCA во всех сферах деятельности, в том числе в социально-экономической, политической и культурной среде; • тотальная цифровизация и автоматизация человечества, приведшие к активному развитию информационно-коммуникационных технологий, а также объединения большого количества смежных наук для повышения мобильности, скорости обработки «больших данных», включенности систем искусственного интеллекта во все большие сферы деятельности человека.

Эти факторы способствовали появлению основных тенденций в сфере высшего образования, среди которых выделяются следующие [4]:

1. Общедоступность высшего образования – свобода выбора вида и формы образования, специальности, города и страны обучения, специальности и сферы будущей деятельности.

2. Неотделимость науки от образования – высшие учебные заведения рассматриваются еще и как научно-производственные комплексы, создающие новые знания и инновации.

3. Индивидуализация образования – расширение и углубление подготовки за счет увеличения факультативных курсов, создания индивидуальных образовательных траекторий и треков для студентов.

4. Глобализация и интернационализация высшего образования – всеобъемлющий характер знаний, свободный доступ к лучшим мировым практикам, расширение объемов рынка высшего образования (увеличение количества потенциальных обучающихся и учреждений высшего образования).

5. Изменение способов создания, фиксации и передачи знаний – внедрение цифровых технологий в образовательный процесс способствует еще большему развитию онлайн-образования, являющемся одним из видов торгуемых образовательных услуг. Переход образования к трансграничному и транскультурному за счет использования «онлайна» может быть использован как для роста на внутренних рынках, так и для выхода на внешние рынки и привлечения международных студентов.

6. Появление новых специальностей, компетенций и форм подготовки – использование концепции "life-long learning" при внедрении моделей сквозного обучения, которые позволяют обеспечивать подготовку специалистов в контексте изменчивой среды.

Также еще одним трендом, появившемся еще до старта массового использования онлайн-

технологий в образовании стало создание технологических образовательных стартапов. К ним, в первую очередь, относятся университеты, которые активно развиваются только в цифровой среде уже на протяжении многих десятков лет. Так, первым в мире университетом, предлагающим программы онлайн обучения, в 1969 году стал «Открытый университет» в Великобритании, основанный по Указу Королевы Великобритании для предоставления высококачественного университетского образования (на основе технологий смешанного обучения) работающим людям, людям с ограниченными возможностями, а также всем тем, кто хочет реализовать свои устремления и свой потенциал [5]. Еще одним примером полного перехода на онлайн-образование является «Университет Южного Нью-Гэмпшира», перепрофилировавший свою деятельность в начале 2000-х годов под цели дистанционного обучения (первоначально основан в США в 1933 году как школа бухгалтеров и секретарей штата). В настоящее время 1 700 преподавателей ведут обучение 135 000 слушателей, а университет ежегодно получает около 1 млрд. долл. США [6].

При этом, активно стали развиваться образовательные стартапы и вне университетов, например, интересен опыт по разработке собственных онлайн-платформ имеется у АНО «Агентство стратегических инициатив» (АСИ), которое еще в 2019 году запустило цифровой университет «Университет 20.35», задачей которого является подготовка кадров для цифровой экономики по четырем моделям: подготовка кадров для новых рынков; проведение образовательных интенсивов; реализация совместных проектов с вузами по формированию персональных траекторий обучения и реализации проектной деятельности студентов; «обучение в течение всей жизни» в онлайн-форматах и на очных мероприятиях в «Точках кипения» и партнерских организациях. Обучающиеся помимо сертификатов формируют собственный цифровой профиль, в котором отражаются их достижения и компетенции, и тем самым могут формировать собственную траекторию развития и управлять ей.

Но самым успешным примером онлайн-образования долгое время были массовые открытые онлайн-курсы, размещенные на мировых и национальных платформах (Coursera, edX, XuetangX, Udacity, FutureLearn, Открытое образование и др.), которые начали свое активное распространение с 2012 года. В 2018 году по данным статистического анализа количество слушателей массовых открытых онлайн-курсов превысило 101 млн. человек, а количество курсов от более чем 900 университетов мира, размещенных на различных платформах, превысило 11 400 шт. [7].

Таким образом мы видим, что постепенный переход к массовому внедрению онлайн-обучения в систему «физического» офлайн-образования постепенно проводился, но ситуация, вызванная COVID-19, в разы ускорила этот процесс. Для того, чтобы вузы могли максимально быстро адаптироваться, был предложен ряд рекомендаций и решений как на мировом уровне, так и на национальном от ведущих университетов, компаний и правительства в целом (на сайте ЮНЕСКО предложен полный перечень национальных платформ и решений по всем странам мира [8]).

На настоящий момент «Университет 20.35» разработал ряд предложений для студентов, преподавателей и образовательных учреждений по повышению эффективности при работе онлайн. Среди них можно выделить следующие [9]:

- функционирование канала «Go Online» – для преподавателей представлены обучающие видео с инструкциями и конкретными инструментами для создания качественного образовательного контента онлайн, также проводятся регулярные обсуждения проблем, связанных с переходом в онлайн и представлены лучшие практики вузов;
- образовательные подборки steps.2035.university – инструмент для преподавателей на основе технологий искусственного интеллекта, который позволяет анализировать процесс обучения студентов и составить подборку из онлайн-курсов для построения индивидуальной траектории обучения студентов;
- цифровая физкультура – решение, позволяющее формировать персональные программы тренировок с использованием цифрового контента, формировать статистику, проводить соревнования между студентами;

• формирование перечня решений в сфере онлайн-обучения и проектной работы – предложение наиболее эффективных инструментов для проведения онлайн-трансляций из аудиторий, вебинаров, виртуальных лабораторных работ; создания виртуальных аудиторий; использования платформ и LMS по созданию собственных онлайн-курсов и управления процессом обучения; организации совместной работы (в т.ч.: Miro, Trello, Asana, Pyrus) и коммуникации (в т.ч. Slack, Microsoft Teams, Zulip).

Для налаживания системы образования в период пандемии подключились и межгосударственные организации. Так, например, на сайте ЮНЕСКО представлен перечень образовательных приложений, платформ и ресурсов, призванных помочь всем категориям, задействованным в образовательном процессе (преподаватели, учащиеся, родители, администрации вузов) при переходе на онлайн-образование, по следующим направлениям: ресурсы для оказания психосоциальной поддержки; системы управления цифровым обучением, в том числе для мобильных телефонов; контент для самостоятельного обучения; платформы для совместной работы с возможностью видеосвязи; инструменты для преподавателей для создания цифрового учебного контента; репозитории решений и успешных практик для реализации онлайн-обучения [1].

При этом, свой контент для всех вузов мира по спецпредложениям предоставили и сами вузы (например, лекторий МГУ, открытый лекторий «Университета 20.35») и онлайн-платформы (Coursera, GeekBrains, Открытое образование, Нетология, Лекториум и др.), а ряд не профильных ранее для сферы образования компаний заявили о создании полноценных онлайн-платформ для реализации дистанционного образования (например, Яндекс, Сбер).

По данным экспертов американского сайта Trends с марта 2020 года многие инвесторы начали вкладывать деньги в компании, занимающиеся онлайн-обучением и репетиторством, созданием приложений для обучения через развлечение, разрабатывающим решения в области доступности справедливости, конфиденциальности, безопасности во время онлайн-обучения, а также разрабатывающие системы поддержки коммуникаций между студентами и преподавателями [10]. Ряд вложений превысил отметку в 1 млрд. долл. США, но предполагаемого кратного возврата от инвестиций пока так и не произошло. Возможно, это связано с тем, что многие платформы в настоящее время открыты в бесплатном доступе, а возможно и с тем, что многие вузы уже имели или экстренно наладили собственные платформы и системы для взаимодействия.

Так, в числе таких вузов можно отметить Южный федеральный университет, который в течение нескольких дней с момента перехода всех образовательных учреждений на удаленный формат работы перестроил полностью всю систему вуза в онлайн-формат.

При этом, сложность была не столько в организации дистанционного образовательного процесса, сколько в организации онлайн внеучебных активностей, которые являются не менее важным аспектом при получении образования.

Основным инструментом для проведения всех образовательных, управленческих и внеучебных мероприятий выступила платформа Microsoft Teams, хотя преподаватели получили возможность реализовывать образовательный процесс через любой удобный для них инструмент (Zoom, Skype, Moodle, Office 365 и др.) (рис.2).

По данным университета в 2020 году через платформу Microsoft Teams в период дистанционного обучения (с 6 апреля по 17 июня) было проведено 103 512 онлайн-мероприятий для 26 157 человек [11]. В режиме онлайн проходили все учебные занятия, сдачи экзаменов и зачетов, защиты курсовых и выпускных квалификационных работ, дни открытых дверей, онлайн-выставки, совещания а также традиционные мероприятия вуза: Неделя академической мобильности, научные конференции, научно-образовательные конкурсы (проектно-образовательный интенсив «SfeduNet 2.0», «УМНИК», «Pedhack 2020», Олимпиада федеральных университетов, Олимпиада для школьников), дни открытых дверей, церемонию вручения магистерских дипломов, а также всю приемную компанию (с возможностью сдачи внутренних испытаний онлайн с процедурой прокторинга). Ряд подразделений организовывал собственные конкурсы и проекты в онлайн-среде.

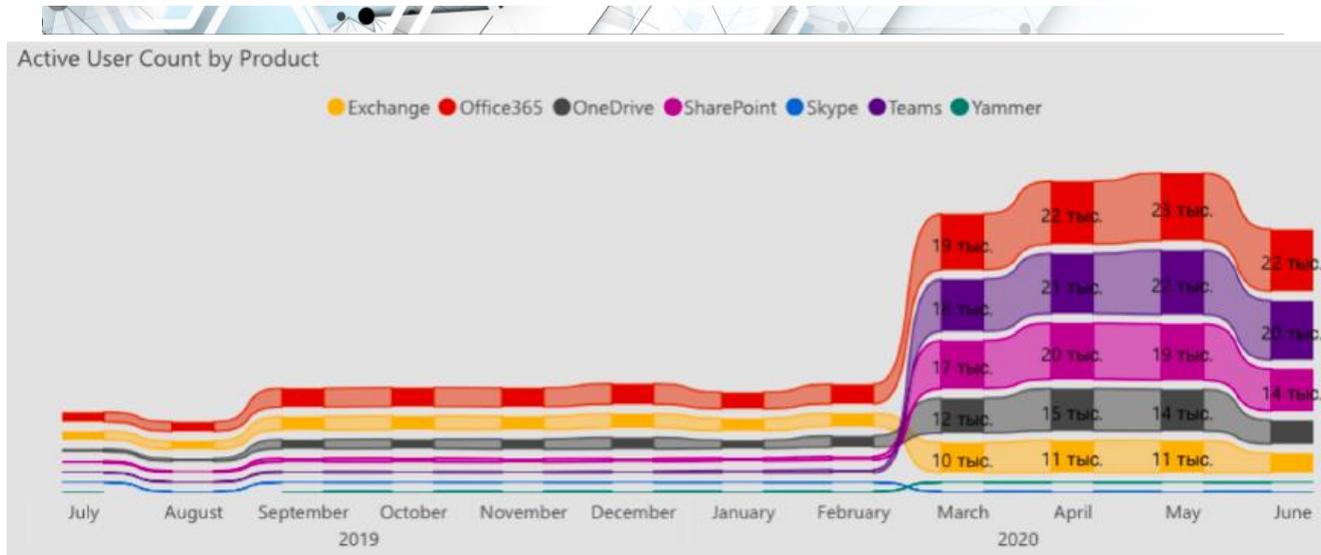

Рисунок 2 – Переход на дистанционное обучение в ЮФУ [12]

Так, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах организовал на платформе MS Teams открытый дистанционный научно-популярный лекторий «Open popular science lectures_IMES SFEDU», в рамках которого с апреля 2020 года провел 7 лекций от ведущих визит-профессоров (из Италии, Болгарии, Польши) и преподавателей ИУЭС ЮФУ для более чем 400 участников из 7 вузов и 6 стран мира. Также дистанционно был организован конкурс школьных проектов «ProNTI», в рамках которого было защищено 14 проектов от школьников города Таганрога, принимавших участие в дополнительной общеразвивающей программе «Организация и сопровождение школьных проектов «ПУЛЬС 4.0»».

Конечно же подобный переход в ЮФУ не был бы возможен без создания внутренних локальных нормативных актов по реализации образовательной деятельности, регламенту работы всех служб и преподавателей, электронному документообороту, а также обучению и повышению квалификации для преподавателей по проведению занятий с применением дистанционных технологий. С нового 2020/2021 учебного года Южный федеральный университет также, как и все вузы начал работу в смешанном формате. Часть занятий, совещаний и конференций проводится полностью онлайн, часть офлайн с трансляций для тех, кто не может присутствовать очно (например, иностранных студентов). Также продолжают выпускаться локальные нормативно-правовые акты, регламентирующие дальнейшую образовательную и иную деятельность (например, приказ и Положение о реализации программ виртуальной мобильности).

Появившаяся «новая нормальность» смешанного образования, как и предполагалась экспертами ранее, требует большой технической поддержки и дополнительных затрат для разработки собственных онлайн-курсов или покупки сторонних, развития инфраструктуры, включающей в себя высокоскоростной интернет, покупку (или компенсацию) дополнительного оборудования для преподавателей и студентов, проведения повышения квалификации и многого другого (хотя и происходит экономия на ряде затрат, например проведение образовательных выставок, участие в конференциях и пр.). Данные затраты могут окупиться за счет синергетического эффекта, при котором смешанное образование позволит расширить образовательные возможности обучающихся за счет доступности и гибкости образования (возможности участия в образовательном процессе для иностранных обучающихся, которые временно не могут приехать, более частого участия всех обучающихся в мероприятиях ведущих вузов, программах академической мобильности), а также персонализирует образовательный процесс. Но при всех возможных плюсах и экономической выгоде очевидно, что пока дистанционное образование, дистанционные мероприятия и дистанционное общение не могут стать полноценной заменой традиционного образования, очного взаимодействия между студентами и преподавателями, ведущими учеными,

потенциальными поступающими и представителями вузов, да и самими преподавателями внутри одной образовательной организации.

Список литературы:

1. COVID-19 Impact on Education [Электронный ресурс] – URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения: 27.09.2020).
2. Экономика будущего, 6 трендов, которые изменят мир [Электронный ресурс] – URL: <https://www.ane.ws.com/p/11458653-ehkonomika-budushhego-6-trendov-kotorye-izmenyat-mir/> (дата обращения: 27.09.2020).
3. Образование для сложного общества. [Электронный ресурс] – URL: https://futuref.org/educationfutures_ru (дата обращения: 27.09.2020).
4. Zashchitina, E.K., Pavlov, P.V. Higher Education Today: Mass or Individual Approach // Proceedings of the 2019 IEEE International Conference Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies IT and QM and IS 2019 September 2019, pp. 653-656
5. Батаев А.В. Анализ мирового рынка дистанционного образования // Молодой ученый. – 2015 №20 [Электронный ресурс] – URL: <https://moluch.ru/archive/100/22587/> (дата обращения: 27.09.2020).
6. Гарвард для домохозяйек: как самый демократический университет США зарабатывает 1 млрд долл. США [Электронный ресурс] – URL: <https://forbes.ru/obshchestvo/374237-garvard-dlya-domohozyaek-kak-samyu-demokratichnyu-universitet-ssha-zarabotaet-1> (дата обращения: 27.09.2020).
7. MOOC в цифрах: 2018 год [Электронный ресурс] – URL: <http://www.edutainme.ru/post/MOOC-2018/> (дата обращения: 27.09.2020).
8. National learning platforms and tools [Электронный ресурс] – URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse/nationalresponses> (дата обращения: 27.09.2020).
9. Сайт «Университета 20.35». Как повысить эффективность учебного процесса при переходе в онлайн [Электронный ресурс] – URL: <https://goonline.2035.university> (дата обращения: 27.09.2020).
10. Edtech Market: The Boom in Online Learning [Электронный ресурс] – URL: <https://trends.co/articles/edtech-market-the-boom-in-online-learning/> (дата обращения: 27.09.2020).
11. ЮФУ подводит первые итоги работы в дистанционном формате [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sfedu.ru/www2/web/press-center/news/63111> (дата обращения: 27.09.2020).
12. Андрейченко Н.В., Бондарев М.Г., Махно П.В. Высшее образование в условиях пандемии: вызовы и возможности новой цифровой реальности (материалы выступления от 16 июня 2020 года)

Для цитирования:

Защитина Е.К. Перехода на дистанционное образование: предпосылки и последствия // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. № 3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

Сведения об авторе:

Защитина Елена Константиновна, кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономики предприятия Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: ekzashchitina@sfedu.ru

УДК 34.01

ГЛОБАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ И КИБЕРТЕРРОРИЗМА КАК УГРОЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Костенко М.А.¹, Аксенова Е.А.²

¹Южный федеральный университет,
канд. юрид. наук, доцент

²Южный федеральный университет,
студент

Целью данной статьи является исследование киберпреступности и кибертерроризма как современных угроз международной безопасности. Правовая защита национального киберпространства требует глубокого осознания ключевых понятий, определяющих юридическую квалификацию киберинцидентов, представляющих угрозу национальной безопасности. Для этого необходимо исследовать не только специфику понятийного аппарата на национальном и международном уровне, но и передовой опыт зарубежных стран регулирования преступлений в киберпространстве. Методологией исследования выступили общенаучные и частнонаучные методы, особое место среди которых занимают метод моделирования и правового прогнозирования. Авторы приходят к выводу о том, что требуется разработка и принятие специального закона о кибербезопасности России, который воспрепятствует криминализации преступных деяний в киберпространстве и заложит основу правового регулирования динамично развивающихся отношений в области безопасного функционирования электронного правительства, электронной коммерции, а также инфраструктуры умных городов, виртуальных сложных систем. Однако без универсальной конвенции по борьбе с киберпреступностью вряд ли удастся эффективно противодействовать угрозам национальной безопасности. В целях решения этой задачи усилия необходимо направить на формирование альянсов для создания будущих межгосударственных соглашений.

Ключевые слова: киберпреступность, кибертерроризм, информационный суверенитет, международные правовые стандарты, международная безопасность.

GLOBAL AND NATIONAL REGULATION OF CYBERCRIME AND CYBER TERRORISM AS THREATS TO INTERNATIONAL SECURITY

Kostenko M.A.¹, Aksenova E.A.²

¹Southern Federal University,
Candidate of Law, associate professor

²Southern Federal University,
Student

The purpose of this article is to study cybercrime and cyberterrorism as modern threats to international security. Legal protection of national cyberspace requires a deep understanding of the key concepts that determine the legal qualification of cyber incidents that pose a threat to national security. For this, it is necessary to study not only the specifics of the conceptual apparatus at the national and international level, but also the best practices of foreign countries in the regulation of crimes in cyberspace. The research methodology was general scientific and specific scientific methods, a special place among which is occupied by the method of modeling and legal forecasting. The authors come to the conclusion that it is necessary to develop and adopt a special law on cybersecurity in Russia, which will prevent the criminalization of criminal acts in cyberspace and lay the foundation for the legal regulation of dynamically developing relations in the field of secure functioning of e-government, e-commerce, as well as the infrastructure of smart cities, virtual complex systems. However, without a universal convention on the fight against cybercrime, it is unlikely that it will be possible to effectively counter threats to national security. In order to meet this challenge, efforts need to be directed towards building alliances for the creation of future interstate agreements.

Keywords: cybercrime, cyber terrorism, information sovereignty, international legal standards, international security.

Политика многих стран в современном мире тесно связана с использованием информационных ресурсов для решения государственных задач, а многие цифровые сервисы являются весьма перспективными для предоставления государственных услуг, промышленного сектора экономики, развития бизнеса и полезными в быту. Однако повышенный интерес субъектов преступных посягательств к возможностям, которые открываются при доступе к управлению информационными ресурсами, требуют специальной защиты. При этом следует отметить, что акторами преступных деяний могут выступать публичные субъекты, для которых информационная инфраструктура открывает широкие возможности влияния на поле политики и социальной сферы общества.

Информационное пространство становится новым «полем боя» государств, организаций и граждан, а его технологическая специфика создает условия для проведения «схватки под покровом ночи». Сегодня киберпреступность – масштабная проблема для международной безопасности и согласно данным научных экспертов уже к 2023 году доля киберпреступлений может вырасти с 14 до 30 процентов по всему миру, что связано, прежде всего, с низкой раскрываемостью и слабыми возможностями по идентификации онлайн-злоумышленников, а также с недостаточной разработанностью правовой базы [1]. По данным МВД РФ количество киберпреступлений в России в 2020 году выросло на 85,1%, а удельный вес таких преступлений возрос до 21,7% от общего числа [2]. Осознавая масштабность угроз в компьютерную эру, государства стремятся создать юридические механизмы обеспечения национальной и международной безопасности в информационной среде. В частности, подобным примером может служить Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.), согласно которой компьютерные преступления связаны с нарушением конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем [3]. Однако данный международный акт Совета Европы вступил в силу только в 2004 году, поскольку согласно ст. 36 Конвенция вступает в силу при условии согласия на обязательное ее соблюдение пяти государств, включая по меньшей мере три государства-члена Совета Европы.

Российская Федерация не является участницей указанной Конвенции, что по мнению И. Рогачева, связано с содержанием статьи 32, параграф В, которое оказалось неприемлемым для выполнения в связи с возможностью получения одной стороной трансграничного доступа к данным, не уведомляя власти государства, располагающего соответствующей информацией [4]. Еще одним существенным препятствием в применении Будапештской Конвенции является тот факт, что она во многом устарела и требует пересмотра. Однако справедливости ради надо отметить, что разрабатывалась Конвенция в период 1997-2000 гг., и это была первая попытка создания международной правовой основы противодействия киберпреступлениям.

Существенным недостатком Конвенции на современном этапе является отсутствие регулирования кибертерроризма, что свидетельствует о необходимости активизировать работу по поиску новых подходов борьбы с киберугрозами. За это время произошли значительные изменения как в появлении новых форм и способов противоправного применения информационно-коммуникационных технологий, так и в осознании опасностей, которые связаны с пробелами в международном регулировании согласованных действий государств. Динамика в сфере цифровых технологий крайне высока, что необходимо учитывать при конструировании международных норм, чтобы их регулятивного и охранительного ресурса хватило на достаточно продолжительный срок действия.

Шаги по созданию нормативной основы в сфере борьбы с киберугрозами предпринимаются и в рамках Содружества Независимых Государств. В частности, как альтернатива Будапештской конвенции было принято Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.). К видам уголовно наказуемых деяний, согласно указанного международного соглашения, относятся: осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации при условии, что оно повлекло уничтожение, блокирование, модификацию или копирование информации, нарушение работы

ЭВМ, системы ЭВМ или их сети; создание, использование или распространение вредоносных программ; нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, которое имеет доступ, если это причинило существенный вред или тяжкие последствия; незаконное использование программ ЭВМ и баз данных, являющихся объектами авторского права, либо присвоение авторства при условии причинения существенного ущерба [5]. В 2018 г. было подготовлено Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (Душанбе, 28 сентября 2018 г.), которое пока не вступило в силу из-за недостаточного количества государств, выразивших согласие на присоединение к нему [6]. В силу этого обстоятельства Соглашение 2001 г. остается действующим.

Процесс создания правовой основы на международном уровне в сфере противодействия информационной преступности говорит о сложности в достижении договоренностей между государствами, в частности, в вопросах доступа к данным национального информационного сегмента и, как следствие, стремлении государств ограничиться национальным регулированием. На современном этапе развития информационных технологий государства особенно остро отстаивают информационный суверенитет, как составляющую суверенитета государства. В частности, Япония, США, Германия, Тайланд, Сингапур, Республика Вьетнам приняли правовые акты по кибербезопасности. Например, согласно положениям Закона о кибербезопасности Республики Вьетнам 2018 г. «государство применяет меры по защите национального киберпространства; предотвращает и обрабатывает акты посягательства» [7]. Перспективным решением в аспекте формирования комплексного подхода к правовому регулированию отношений в киберпространстве и единства используемой для этого терминологии, на наш взгляд, является закрепление в Законе о кибербезопасности Республики Вьетнам таких понятий, как киберпреступность, сетевая атака, кибертерроризм, кибершпионаж. Многие из этих понятий получили свое легитимное определение впервые.

Принятый национальным собранием Республики Вьетнам закон – это попытка в национальном законодательстве специальным законом урегулировать общие вопросы отношений в киберпространстве, наложить запрет на использование киберпространства в преступных целях, создать необходимый для этого понятийный аппарат. Ведь одной из существенных проблем регулирования данных отношений является их динамика, когда интенсивный поток новых информационных технологий значительно снижает эффективность правового регулирования. Это требует от правотворцев любого уровня особого мастерства в создании общих правовых норм. Однако на национальном уровне невозможно решить все задачи по эффективному предупреждению, пресечению и противодействию киберпреступлениям и кибертерроризму как транснациональным явлениям.

На 28-й сессии Комиссии ООН в 2019 году Россия заявила о необходимости «предпринять шаги по усовершенствованию международной правовой базы в области борьбы с киберпреступностью» [8]. В целях создания юридических механизмов в решении этих задач Российской Федерацией представлен Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности [9]. «Россия, как и многие другие страны, видит решение в разработке под эгидой ООН универсальной конвенции о борьбе с киберпреступностью, которая учитывала бы современные реалии, принципы уважения прав человека, суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние дела» [10]. Абсолютное большинство проголосовавших против Резолюции – это страны-участницы Будапештской конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях.

В преамбуле Конвенции, предложенной Россией, отражена обеспокоенность государств, которые станут ее участниками, по ряду вопросов, в частности, серьезностью проблем и угроз для стабильности и безопасности общества от преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, транснациональный характер подобных преступлений и связь с большими объемами активов, что в итоге может привести к политической нестабильности и угрожать устойчивому развитию государств. Каждое государство должно прилагать достаточные усилия для обеспечения общей безопасности всего информационного

пространства. Принципиально важным, отличающим данную Конвенцию от Будапештской, является статья 3 Проекта Конвенции ООН о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности, которая направлена на защиту суверенитета государств-участников. В частности, Государству-участнику не предоставлено право на осуществление юрисдикции и функций на территории другого государства, которые согласно внутреннего права относятся к исключительной компетенции органов этого государства. Однако дефиниции, предложенные в тексте указанной Конвенции, явно не закрывают всех вопросов особенно в части узкоспециальной терминологии в цифровой среде, требующей регулирования на глобальном уровне.

Полагаем, что в подобном международном акте должны найти отражение не только виды противоправных деяний в информационном пространстве, но и закреплена более широкий спектр специальных терминов и понятий, используемых в информационной сфере, которые позволят обеспечить достаточную терминологическую ясность для эффективного взаимодействия соответствующих органов государств (например, термины «хакер», сетевая атака, киберпреступная сеть, кибер-угроза и т.п.). Отдельное внимание в Конвенции следует уделить борьбе с кибертерроризмом, как с угрозой отличающейся наибольшей опасностью для независимости, суверенитета и территориальной целостности государств, повышенными рисками вмешательства в их внутренние дела, а преступный замысел зачастую осуществляется преступниками, находящимися в разных странах.

Институт международных исследований МГИМО в очередном прогнозе «Международные угрозы 2020» в заглавии выносит ключевую тенденцию современности «Каждый – за себя», что будет сказываться и на обеспечении международной безопасности в информационном пространстве [11]. Эта тенденция во многом связана с установлением границ влияния технологических платформ критической инфраструктуры – «чужаков сюда не допускают по соображениям безопасности» [12]. Некоторые прогнозы, представленные в докладе, можно экстраполировать и на задачи формирования будущих альянсов по выработке международных правовых стандартов в информационном пространстве, в том числе и путем объединения техноэкономических потенциалов стран, что позволит обеспечить конкурентоспособность цифровых технологий в области кибербезопасности. Блоковая конструкция сотрудничества государств по созданию конвенционного регулирования по противодействию информационной преступности может рассматриваться как альтернатива договоренностям глобального характера.

Полагаем, что в отсутствие универсальной конвенции о борьбе с киберпреступностью вряд ли удастся масштабно противодействовать угрозам национальной безопасности. Это именно та сфера межгосударственного сотрудничества, эффективность которой тем выше, чем больше стран принимают общие правила, основанные на международных обязательствах. Шаги отдельных государств не могут изменить общую ситуацию на поле транснациональной киберпреступности. Исследователи отмечают, что российские IT-компании фактически способствуют «экспорту технологического суверенитета», разрабатывая программные продукты на основе открытого кода [11]. Это может позитивно сказаться на формировании будущих альянсов государств с аналогичным подходом к информационному суверенитету и подвигнуть к созданию в перспективе межгосударственных соглашений.

Территориальное расположение государств-участников соглашений в сфере противодействия киберпреступности не играет столь важной роли, поскольку у преступников имеются широкие возможности для проникновения в киберпространство, созданное, управляемое и контролируемое правительствами этих стран. Здесь критерием выступает единство подходов в обеспечении информационной безопасности, наличие и характер международных обязательств, а также имеющийся технологический уровень развития государства. Так, например, потенциалы России и европейских государств обладают реальным шансом создания надежного «зонтика информационной безопасности» и послужить фактором сближения позиций в вопросах международного регулирования кибербезопасности. Однако пока градус отношений наших государств не способствует активному продвижению

вперед в решении данного вопроса. Преодоление препятствий на пути создания юридического механизма противодействия актам кибертерроризма и киберпреступлениям требует от стран перехода к формированию международно-правового регулирования опережающего характера по предупреждению, пресечению и предотвращению актов посягательств на безопасность национальных киберпространств.

Разумный баланс между международным регулированием и национальным, а также поиск надежных союзников для создания конструктивного диалога между странами с различными позициями в отношении цифровой повестки позволит создать надежный каркас обеспечения информационной системы международной безопасности внутри альянса. Следовательно, требуется международная координация борьбы с подобными преступлениями, которая в настоящее время выстроена в основном на основе двусторонних соглашений об оказании правовой помощи и не носит глобального характера. Сложившаяся ситуация не может считаться удовлетворительной и требует интенсивных усилий всех заинтересованных сторон во благо мира и безопасности. Без надлежащего применения юридического инструментария международное сотрудничество затруднительно или даже невозможно.

В современных условиях Россия должна продолжать совершенствовать собственную нормативную основу в области кибербезопасности и важным шагом могла стать разработка Федерального закона «О кибербезопасности в Российской Федерации» (далее – закон о кибербезопасности). Данный закон следует направить на регулирование отношений, объектом которых выступает информация, сбор, обработка, хранение и передача которой осуществляется с использованием возможностей информационно-коммуникационных технологий. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации определяется термин «информационная безопасность», что связано не только с традиционным для российских специалистов применением именно этого термина, но и имеет содержательные основания. Ведь информация – это широкое понятие, включающее сведения в разных формах представления. В этой логике регулирует общественные отношения и Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», распространяя нормы права на все виды информации. Однако компьютерная информация, которая имеет особую форму ее представления и целенаправленно связана с возможностью компьютерной обработки, отличается спецификой и требует особых условий обеспечения безопасности.

В законе о кибербезопасности необходимо закрепить термин «кибербезопасность», под которой понимается состояние технологической защищенности национальных информационно-телекоммуникационных ресурсов и гарантия их работы без ущерба для национальной безопасности, общественного порядка, законных прав и интересов организаций и граждан. В современных условиях речь должна идти в первую очередь о технологической защищенности компьютерной информации. При этом содержательные границы национального киберпространства устанавливаются посредством установления процесса создания, управления и контроля его со стороны правительства соответствующего государства. В этой дефиниции наиболее ярко проявляется суть информационного суверенитета государства, отражающего национальные интересы в информационной сфере.

На наш взгляд, при подготовке закона о кибербезопасности следует учитывать цели развития, заданные Указом Президента Российской Федерации 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в части нацеленности на цифровую трансформацию. Это означает возрастание значимости цифровой повестки и на национальном уровне. Кроме того, закон о кибербезопасности установит разумный баланс правовых средств и закрепит особые правовые режимы для достижения «цифровой зрелости» государственного управления и, в частности, в области безопасного функционирования электронного правительства, электронной коммерции, инфраструктуры умных городов т.п. В условиях развития информационного общества каждый гражданин должен осознавать правила безопасного поведения в сети, а разработчики программного обеспечения и национальных баз данных выполнять законодательно установленные

требования, направленные на обеспечение национальной безопасности.

Показательный случай произошел несколько лет назад на борту самолета Як-130УБС, когда из-за недопустимой шутки программиста при нажатии кнопки пульта управления на дисплей выводилась бегущая строка «Слава Роботам! Убить всех человек» [13]. Однако по заявлению авиационной корпорации на безопасность и управление самолетом шутка не повлияла. Подобные ситуации должны быть полностью исключены в условиях, когда от машинного интеллекта зависит принятие важнейших государственных решений и/или жизнь и здоровье граждан, а также способно повлечь значимые социальные последствия. В условиях глобальной цифровизации отечественные решения в сфере информационных технологий должны отвечать четко определенным требованиям системы обеспечения национальной безопасности. Речь может идти о национальных стандартах кибербезопасности.

Формирование культуры безопасного поведения в киберпространстве, в том числе профессиональных участников информационных отношений, – это самостоятельный пласт для серьезной работы, требующей вовлеченности образовательных организаций в процесс выработки специальных компетенций и навыков будущих специалистов. Цифровая грамотность специалистов и граждан приобретает особое значение на фоне растущих опасностей в связи с ростом компьютерных инцидентов и необходимостью использования при принятии решений достоверной компьютерной информации, рисков от недооценки юридических, экономических и прочих факторов при создании программного обеспечения.

Отдельные вопросы кибербезопасности в настоящее время урегулированы Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», в частности, в нем закреплены термины «компьютерная атака» и «компьютерный инцидент», устанавливается категорирование значимости объектов критической информационной инфраструктуры. Вместе с этим указанный закон не содержит механизм предупреждения и пресечения угроз кибербезопасности, что снижает уровень защищенности национального сегмента и не закрепляет единообразных подходов.

Одним из значимых факторов, способствующих совершенствованию правового регулирования в сфере кибербезопасности, является не только установление требования сбора информации о киберинцидентах, но и описание содержания угрозы, области общественных отношений, на которые направлена угроза и наносимый ущерб объектам безопасности. Данные сведения позволят группировать (объединять) схожие угрозы, имеющие идентичный источник и механизм разрушающего воздействия на объекты безопасности. Это создаст предпосылки для более точного определения задач и направлений обеспечения национальной безопасности и обоснования необходимости использования соответствующих подсистем в системе обеспечения национальной безопасности. Подобный инструментарий позволит более точно оценивать необходимое регулирующее воздействие в зависимости от киберинцидента.

Особое внимание в законе о кибербезопасности должно быть уделено усилению безопасности государственных информационных ресурсов. В меняющихся условиях следует определить характеристики информационных систем значимых для обеспечения национальной безопасности, в частности, связанные с деятельностью федеральных органов власти и управления, информационными системами управления особо важными (опасными) объектами. Не меньший урон могут нанести компьютерные атаки на банки, энергетические компании, организации системы здравоохранения и образования и вывести из строя жизненно важные объекты. Так переход на удаленную работу в 2020 году создал дополнительные угрозы и риски в связи с открытостью доступа к серверам для хакеров. В этих условиях остро востребованными станут системы безопасности удаленной и распределенной работы, а противоправные деяния обретут новые формы и способы осуществления.

Многие вопросы кибербезопасности становятся юридическими требованиями и потребностью общества. Все эти факторы свидетельствуют о необходимости формирования комплексного подхода к правовому регулированию кибербезопасности, установлению необходимого понятийного аппарата в целях повышения эффективности борьбы с

киберпреступлениями и актами кибертерроризма. При этом крайне важно чтобы правовые нормы сохраняли свой регулятивный и охранительный потенциал по возможности достаточно длительный период времени, даже несмотря на столь динамично развивающую область общественных отношений. В целях решения данной задачи следует создать такой баланс норм общего характера, который при возникновении технологически новых форм осуществления киберпреступлений и кибертерроризма обеспечил бы возможность вносить изменения в действующие нормативные правовые акты для эффективной борьбы с криминализацией информационного пространства. Причем этот подход необходимо распространить на международное и национальное регулирование, что, по нашему мнению, придаст необходимую стабильности и усилит потенциал права в сфере кибербезопасности.

Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов» предложил перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов. Согласно Федеральному закону от 31.07.2020 № 258-ФЗ экспериментальный правовой режим подразумевает применение в отношении его участников в течение определенного периода времени специального, то есть отличающегося от общего, правового регулирования по таким направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, как, в частности, медицинская деятельность, финансовый рынок, продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом, промышленное производство и прочее. Настоящим проектом в перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов, предлагается включить в числе прочего нейротехнологии и искусственный интеллект, технологии работы с большими данными, квантовые технологии, технологии беспроводной связи, а также виртуальной и дополненной реальности, промышленный интернет (интернет вещей) – всего 10 технологических направлений.

Учитывая масштабы киберугроз, скорость и сложность кибератак, необходимо создать надежную правовую основу кибербезопасности, чтобы эффективно противостоять преступным действиям. Роль России в этом процессе может оказаться ключевой в части определения приоритетных мер эффективной киберборьбы и предложить дополнительные способы, основанные на преимуществах глобализации и возможностях информационных и коммуникационных технологий. Главная проблема противодействия киберпреступлениям заключается в недостаточности эффективных предупредительных технологических решений, оперативного обмена информацией между государствами и мониторинговой работы по определению качественных решений, направленных на пресечение угроз глобальной кибербезопасности. Осознание необходимости коллективной борьбы с киберпреступлениями и кибертерроризмом – важнейший шаг на пути создания надежной системы международной безопасности.

Список литературы:

1. Якимова Е. М., Нарутто С. В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью. // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 2.
2. Степанов А. МВД: В России на 85% выросло количество киберпреступлений // Российская газета. – 13.06.2020.
3. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // СПС Гарант. – URL <http://base.garant.ru/4089723/e88847e78ccd9fdb54482c7fa15982bf/>
4. Российский дипломат назвал Будапештскую конвенцию по киберпреступлениям устаревшей. [Электронный ресурс]. – URL <https://tass.ru/politika/4782506>
5. Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.) // СПС Гарант. – URL <http://base.garant.ru/12123778/>
6. Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (Душанбе, 28 сентября 2018 г.) // СПС Гарант. – URL <http://base.garant.ru/72087644/>
7. Нгуен Дык Чиен. Законодательство о сетевой безопасности и основные характеристики закона о сетевой безопасности Социалистической Республики Вьетнам // Закон и право. – 2019. – № 6.
8. МИД РФ: международная правовая база в области борьбы с киберпреступностью несовершенна.

[Электронный ресурс]. – URL <https://tass.ru/politika/6449425>.

9. Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности. [Электронный ресурс]. – URL https://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3025418).

10. Сыромолотов О.В. МИД РФ: международная правовая база в области борьбы с киберпреступностью несовершенна. [Электронный ресурс]. – URL <https://tass.ru/politika/6449425>

11. Международные угрозы 2020: Каждый — за себя: доклад / [А.А. Байков и др.]; под ред. А.А. Сушенцова; Лаборатория анализа международных процессов МГИМО МИД России. – Москва – 2019. – 24 с. [Электронный ресурс]. – URL <https://mgimo.ru/library/publications/int-threats-2020/>

12. Торкунов А.В. Ректор МГИМО: есть четыре сценария развития событий после пандемии. [Электронный ресурс]. – URL <https://tass.ru/interviews/8503897>

13. «Убить всех человек»: в авиакорпорации подтвердили появление этой надписи на дисплее Як-130. 06.11.2019. [Электронный ресурс]. – URL <https://www.vesti.ru/article/1281513>

Для цитирования:

Костенко М.А., Аксенова Е.А. Глобальное и национальное регулирование киберпреступлений и кибертерроризма как угроз международной безопасности // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. №3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

Сведения об авторах:

Костенко Маргарита Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: makostenko@sfedu.ru

Аксенова Евгения Алексеевна, студент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: eaksyonova@sfedu.ru

УДК 332.1

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ИННОВАЦИОННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛАСТЕРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Макареня Т.А.¹, Андриенко Р.В.²

¹ Южный федеральный университет
д-р экон. наук, доцент

² Южный федеральный университет
аспирант

Целью данной статьи является исследование инновационного потенциала Ростовской области как одного из основных факторов развития промышленных инновационно-территориальных кластерных образований. Для достижения данной цели был проведен анализ статистических показателей, характеризующих развитие инновационной деятельности в Ростовской области. По результатам анализа получен вывод о том, что в настоящее время в Ростовской области наблюдается высокий уровень инновационного развития: показатели, отражающие состояние инновационной деятельности в регионе, имеют положительную динамику. На данном основании можно утверждать, что донской регион обладает необходимым для развития промышленных инновационно-территориальных кластерных образований инновационным потенциалом.

Ключевые слова: инновационный потенциал; промышленные инновационные территориальные кластерные образования; уровень инновационной активности; объем производства; конкурентоспособность; импортозамещение.

INNOVATIVE POTENTIAL OF THE ROSTOV REGION AS A FACTOR OF THE INDUSTRIAL INNOVATION TERRITORIAL CLUSTER FORMATIONS' DEVELOPMENT

Makarenya T.A.¹, Andrienko R.V.²

¹ Southern Federal University
Doctor of Economics, Associate Professor

² Southern Federal University
Ph.D Student

The article considers the innovative potential of the Rostov region as one of the essential factors of the industrial innovation territorial cluster formations' development. To achieve this goal, an analysis of statistical indicators characterizing the development of industrial and innovative activities of the Rostov region was analyzed. Based on the results of the analysis, it was concluded that at present there is a high level of innovative development in the Rostov region based on the indicators reflecting the state of innovative activity in the region which have a positive trend. On the basis of this, it can be said that the Don region has the industrial and innovative potential necessary for the industrial innovation territorial cluster formations' development.

Keywords: industrial and innovative potential; industrial innovation territorial cluster formations; level of innovative activity; volume of production; competitiveness; import substitution.

Инновационный потенциал считается одним из основных факторов экономического роста региона, а также ключевым показателем его конкурентоспособности. Обусловлено это, прежде всего, тем, что инновации и промышленность выступают приоритетными направлениями социально-экономического развития области, а продукция, производимая в рамках данных отраслевых направлений, считается основным инструментом импортозамещения, что является стратегической задачей отечественной экономики.

На данный момент Ростовская область имеет показатели развития инновационного потенциала, превосходящие среднероссийский уровень, а также занимает лидирующие позиции среди регионов ЮФО. Основная причина этого заключается в наличии на территории донского края большого количества предприятий, функционирующих в сфере инноваций и промышленной отрасли, которые соединяются в кластерные образования. В результате данной связи увеличивается объем производства промышленной и инновационной продукции, происходит активное развитие высокотехнологичного производства, что оказывает положительное влияние на уровень инновационного развития региона.

Цель данной работы заключается в исследовании инновационного потенциала Ростовской области как одного из основных факторов развития промышленных инновационно-территориальных кластерных образований.

В ходе написания статьи были использованы следующие методы: статистический, метод наблюдения, аналитический.

В настоящее время данный вопрос является актуальной тематикой научных работ различных авторов [6]. С.А. Михайлова изучает основы инновационного развития Ростовской области. С.А. Белоглазова в своей работе проводит оценку потенциала кластерообразования в регионах ЮФО [2]. Исследователи Г.В. Плехотникова, С.В. Колтунчик, И.С. Сердюк анализируют современное развитие экономического потенциала донского региона со стороны кластерного подхода [8].

На протяжении последних лет в Ростовской области реализуется региональная инновационная политика, основными целевыми ориентирами которой являются [10]:

- формирование и развитие элементов инфраструктуры;
- осуществление эффективной инновационной политики;
- совершенствование законодательства, регулирующего инновационную отрасль;
- поддержка инновационно-активных предприятий;
- модернизация промышленных производственных процессов.

Достижение вышеперечисленных целей будет способствовать положительной динамике показателей, отражающих инновационное развитие Ростовской области. Основными инструментами достижения данных целей является наличие у региона ресурсов, необходимых для развития инновационной экономики; возможность создания благоприятной инновационной среды, реализации процессов коммерциализации инновационной продукции, а также формирования городской инновационной системы, которая включает в себя научно-образовательные комплексы, различные научно-исследовательские организации, компании, осуществляющие инжиниринговую деятельность, образовательные институты и институты развития, элементы сервисной рыночной инфраструктуры [7].

Основным показателем инновационного потенциала региона является уровень инновационной активности организаций, который отражает удельный вес предприятий, осуществляющих различного рода инновации в общей численности организаций, функционирующих в области [5].

На (рис. 1) отражена динамика уровня инновационной активности донских предприятий за последние пять лет.

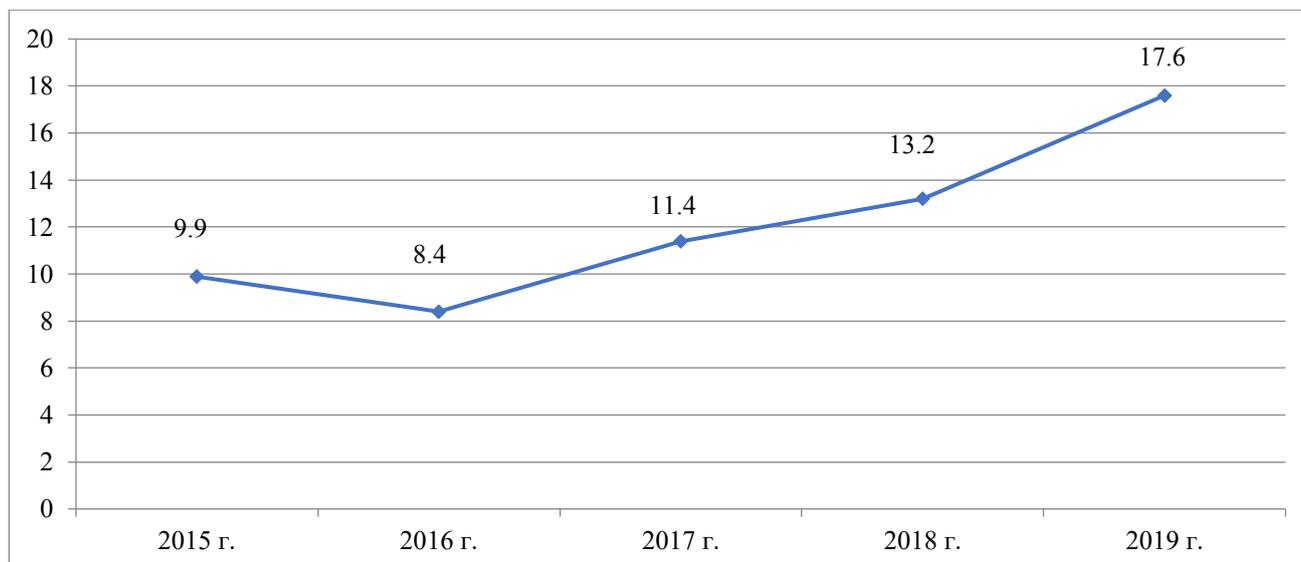

Рисунок 1 – Уровень инновационной активности организаций Ростовской области (%) [10]

На (рис.1) показано, что динамика уровня инновационной активности донских предприятий имеет положительный характер. Единственное отклонение от постоянного увеличения данного показателя наблюдается в 2016 г., что обусловлено, в первую очередь, резким снижением курса рубля и повышением курса доллара. Снижение курса рубля повлекло за собой банкротство большого количества организаций, создающих инновационную продукцию, а повышение курса доллара стало финансовым барьером совершения необходимых закупок. С положительной стороны стоит также отметить значительный прирост уровня инновационной активности предприятий, который за весь рассматриваемый период составил 78 %.

Важным показателем регионального инновационного потенциала является объем произведенных инновационных товаров и услуг [4]. Характер его динамики показывает использованную возможность инновационных предприятий наращивать объем своего производства. Динамика данного показателя представлена на (рис. 2).

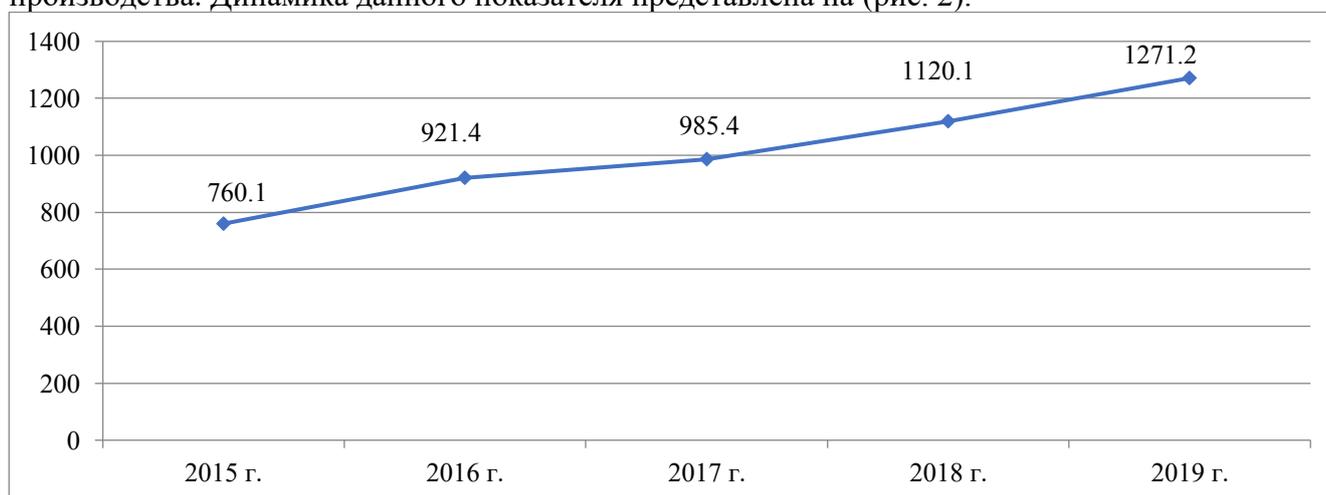

Рисунок 2. Объем инновационной продукции в Ростовской области (млрд. руб.) [10]

На (рис. 2) показано, что с каждым годом донские предприятия производят больше инновационных товаров, увеличивают объем инновационных работ, повышают уровень предоставления инновационных услуг. Данная тенденция имеет положительный характер, поскольку увеличение объема производства инновационной продукции способствует увеличению объема ВРП, а также повышению уровня инновационного развития региона. В 2019 г., по отношению к 2015 г., рассматриваемый показатель увеличился на 511,1 млрд руб.,

что в относительном выражении составляет 67,2 %.

Уровень инновационного потенциала находится в тесной зависимости от уровня инвестиционной привлекательности региона, поскольку именно финансовые ресурсы являются основным инструментом развития как промышленности, так и инноваций [3].

На (рис. 3) проиллюстрирована динамика инвестиций, поступающих на протяжении периода с 2015 по 2020 гг. в развитие инновационного производства Ростовской области.

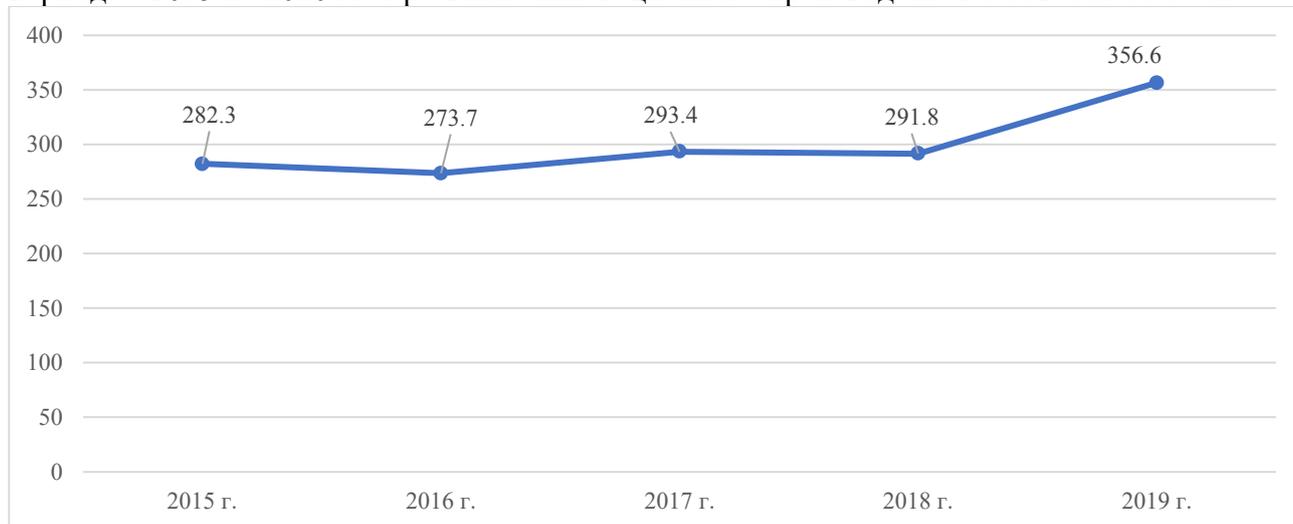

Рисунок 3 – Инвестиции в основной капитал в Ростовской области (млрд. руб.) [10]

Из (рис. 3) видно, что динамика объема инвестиций в развитие производства Ростовской области на протяжении 2015 – 2018 гг. имеет скачкообразный характер. Но значительный прирост данного показателя наблюдается в 2019 г., что свидетельствует о повышении уровня инвестиционной привлекательности донского региона и об увеличении потенциала для развития инновационно-промышленной деятельности.

В настоящее время в Ростовской области происходит активное развитие инновационно-промышленной деятельности. Одним из основных инструментов повышения инновационно-промышленного уровня региона являются промышленные инновационно-территориальные кластерные образования, функционирование которых, помимо развития инноваций в области, способствует прогрессу в промышленной отрасли. Донской регион является подходящей базой для реализации высокотехнологичного инновационного производства, поскольку имеет выгодное территориальное расположение, развитую инфраструктуру, а также научную базу [1]. Наличие вышеперечисленных показателей увеличивает уровень инвестиционной привлекательности области, что влечет за собой увеличение финансового капитала, ресурсы которого представляют собой денежный потенциал развития кластерной деятельности Ростовской области.

Сегодня основным документом, регулирующим функционирование промышленных инновационных кластеров, является «Концепция кластерного развития Ростовской области на 2015 – 2020 годы» Данная концепция определяет основные понятия, используемые при реализации кластерной политики; задает цели, задачи и основные принципы кластерной политики; описывает основной механизм реализации кластеризации; определяет приоритетные направления формирования инновационных кластеров.

Помимо вышерассмотренного документа большое значение в процессе развития промышленных инновационных кластеров отводится Постановлению Правительства Ростовской области от 18 февраля 2016 № 104 «Об утверждении стратегий развития приоритетных территориальных кластеров Ростовской области на 2016 – 2020 годы», которое содержит в себе описание стратегических ориентиров каждого кластера, функционирующего на территории Ростовской области.

В настоящее время в Ростовской области насчитывается 8 кластеров и 2 кластерные инициативы. Отрасли их специализации имеют различную направленность. Так, ИТК

«Южное созвездие» функционирует в промышленной отрасли, в частности, специализируясь на авиакосмическом отраслевом направлении, приборостроении, радиоэлектронике и новых материалах. ИТК морского приборостроения «Морские системы» производит детали, оборудование и комплектующие, необходимые для реализации производственных процессов судостроения, а также для модернизации морской техники. Кластер информационно-коммуникационных технологий выпускает продукцию, связанную с информационными технологиями, компьютерными программами, коммуникационными инновациями. ИТК «Донские молочные продукты» производит продукцию из молока. ТК «Долина Дона» функционирует в сфере виноградарства, виноделия, науки, образования и туризма. НПК сельскохозяйственного машиностроения производит сельскохозяйственную технику, а также комплектующие и оборудование для сельскохозяйственных машин. Сферой деятельности Волго-Донского промышленного кластера атомного машиностроения является обрабатывающая промышленность, которая включает в себя электроэнергетику, атомную и нефтегазовую промышленность. Автодорожный кластер Ростовской области причастен к автомобильной отрасли. ТК вертолетостроения относится к авиационной отрасли. Волго-донской мебельный кластер функционирует в сфере деревообрабатывающей и мебельной промышленности.

Из вышесказанного следует, что инновационные промышленные кластеры Ростовской области имеют совершенно разные отраслевые направления, что позволяет расширить спектр производимой инновационной промышленной продукции в регионе, повысить уровень инновационного развития в области, а также увеличить степень импортозамещения товарами и услугами, произведенными отечественными предприятиями.

Участниками кластерных образований Ростовской области являются крупнейшие производственные предприятия региона, которым характерны различные специфические черты основной деятельности, высокий уровень численности персонала, материальные, нематериальные и производственные мощности для развития инновационного производства.

На (рис. 4) отражены показатели, характеризующие объем производства донских кластеров в 2019 году.

Рисунок 4 – Объем производства кластеров Ростовской области (млрд руб.) [9]

На (рис. 4) показано, что лидером кластерного развития в Ростовской области является ИТК «Южное созвездие». В состав данного кластера входит 23 предприятия, а общая численность персонала составляет более 23 00 человек. Высокие показатели деятельности данного кластера

обусловлены, прежде всего, наличием в его составе специализированных организаций, имеющих различную направленность функционирования. Так, основным звеном, выполняющим производственные функции в кластере, является ПАО «ТАНТК им. Г.М. Бериева». Научно-исследовательскую деятельность осуществляет Южный федеральный университет. ОАО «Региональная корпорация развития» выполняет организационные и консультационные функции. Именно совокупная деятельность участников кластера способствует его успешному функционированию.

На втором месте по объему производства среди донских кластерных образований находится кластер информационно-коммуникационных технологий, который включает в себя лидирующие предприятия, относящиеся к сфере информационно-коммуникационных технологий. Данный кластер также имеет успешный характер функционирования и оказывает положительное влияние на развитие инновационной отрасли в донском регионе. Отстающие позиции среди кластеров Ростовской области занимает ИТК морского приборостроения «Морские системы», в состав которого входит всего 10 участников.

Рассматривая инновационный потенциал Ростовской области с позиции основного фактора развития промышленных инновационно-территориальных кластерных образований, следует отметить, что донской регион является оптимальной базой для формирования данного рода предприятий. Ростовская область имеет выгодное территориальное положение и оптимальные климатические условия, в силу чего на территории области выгодно создавать инновационные сельскохозяйственные, кластеры легкой промышленности и пищевые кластерные образования. К уже созданным кластерам: «Долина Дона» и «Донские молочные продукты» – следует добавлять предприятия, деятельность которых основана на природных ресурсах.

Также большое внимание следует уделить развитию кластеризации в сфере морской промышленности, поскольку в Ростовской области находится портовый город Таганрог, а также большое количество производственных предприятий и учебных заведений, специализирующихся в области морского приборостроения. Как было выявлено выше, функционирующий в настоящее время кластер «Морские системы» имеет низкие показатели деятельности. В этой связи необходимо на основе кластерных связей увеличивать структурный состав данного кластера, что позволит повысить количественные показатели его деятельности и уровень качества морского приборостроения в Ростовской области.

Также, с учетом актуального состояния промышленности в регионе, рекомендуется развивать такую промышленную специализацию, как угольная переработка. На сегодняшний день в Ростовской области имеется широкая база для создания углеперерабатывающего кластера на основе таких масштабных предприятий, как ООО «Новоростовская государственная районная электростанция», ООО «Углекхимкомбинат «РИКОУЛ», а также большое количество угольных шахт. Функционирование инновационного кластера в сфере угольной промышленности будет способствовать максимизации уровня переработки энергетического угля, который сможет в полной мере соответствовать требованиям рынка. Помимо этого, развитие инновационного промышленного кластера в данной отрасли позволит максимизировать объемы выпускаемой продукции глубокой переработки угля с высокой добавленной стоимостью.

Подводя итог стоит отметить, что Ростовская область обладает инновационным потенциалом, необходимым для эффективного развития промышленных инновационно-территориальных кластерных образований: в наличии имеются природные, финансовые, производственные и человеческие ресурсы, совокупное использование которых будет способствовать повышению количественных и качественных показателей деятельности кластеров в донском регионе. Динамика показателей, характеризующих инновационную деятельность в донском крае, имеет положительную динамику. Также следует сказать, что в регионе разработана оптимальная кластерная политика, определяющая стратегические задачи развития промышленных кластерных образований в Ростовской области в соответствии со стратегическими направлениями социально-экономического развития региона.

Список литературы:

1. Бабилова А. В., Ткаченко Ю. Г. Кластерные стратегии как условие инновационного развития территории (на примере Южного федерального округа) // Российское предпринимательство. – 2016. – №22. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternye-strategii-kak-uslovie-innovatsionnogo-razvitiya-territorii-na-primere-yuzhnogo-federalnogo-okruga>
2. Белоглазова С. А. Оценка потенциала кластерообразования в регионах ЮФО // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. – 2018. – №4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-potentsiala-klasteroobrazovaniya-v-regionah-yufo>
3. Горочная В. В. Самоорганизация кластерных структур как инструмент модернизации экономики Ростовской области // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2018. – №5 (175). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoorganizatsiya-klasternyh-struktur-kak-instrument-modernizatsii-ekonomiki-rostovskoy-oblasti>
4. Кашникова Т. В. Инновационный потенциал региона и стратегия его развития (на примере Ростовской области) // JER. – 2017. – №2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyu-potentsial-regiona-i-strategiya-ego-razvitiya-na-primere-rostovskoy-oblasti>
5. Кривошеева И. Н. Состояние и перспективы развития инновационного потенциала Ростовской области // Молодой исследователь Дона. – 2017. – №4 (7). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-innovatsionnogo-potentsiala-rostovskoy-oblasti>
6. Михайлова С. А. Инновационное развитие Ростовской области // Статистика в современном мире: методы, модели, инструменты. – 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29990555>
7. Мурзин А.Д., Швыденко Н.В. Перспективы кластерного развития Ростовской области // ИВД. – 2015. – №4-1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-klasterного-razvitiya-rostovskoy-oblasti>
8. Плохотникова Г. В., Колтунчик С. В., Сердюк И. С. Кластерное развитие экономического потенциала Ростовской области // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – №1 (6). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasterное-razvitie-ekonomicheskogo-potentsiala-rostovskoy-oblasti>
9. Российская кластерная обсерватория. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cluster.hse.ru/>
10. Официальный портал Правительства Ростовской области. [Электронный ресурс]. – URL: <http://donland.ru>

Для цитирования:

Макареня Т.А., Андриенко Р.В. Инновационный потенциал ростовской области как фактор развития промышленных инновационно-территориальных кластерных образований // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. №3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

Сведения об авторах:

Макареня Татьяна Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой инженерной экономики Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: mta-76@inbox.ru.

Андриенко Роман Валерьевич, аспирант Экономического факультета Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: romanandrienko91@gmail.com.

УДК 332.1.

АНАЛИЗ ГЕНЕЗИСА ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» НАСЕЛЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Разработка концепции повышения уровня и качества жизни населения региона в условиях межмуниципальной дифференциации с учётом трендов цифровизации экономики» № 20-010-00815 А

Нифонтова А.В.

*Южный Федеральный университет,
магистрант*

Целью данной статьи является определение существующих подходов к интерпретации понятия «качество жизни» населения, систематизация индикаторов, необходимых для проведения оценки качества жизни населения. Результатом работы является выбор показателя или системы показателей, наиболее полно отражающих понятие «качество жизни» населения. Результаты данного исследования могут использоваться с целью увеличения эффективности государственной политики в области повышения качества жизни населения. На основе проведенного анализа была сформулирована интерпретация категории «качество жизни» населения, определен достаточный перечень показателей, необходимых для оценки качества жизни населения.

Ключевые слова: население; показатели; качество жизни; государственная политика.

ANALYSIS OF THE GENESIS OF THE CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS OF THE «QUALITY OF LIFE» OF THE POPULATION

Nifontova A.V.

*Southern Federal University
Master's student*

The purpose of the work is to identify and analyze existing approaches to the interpretation of the concept of «quality of life» of the population, systematization of indicators necessary for assessing the standard of living the population. The result is the formulation of general ideas about the meaning of «quality of life» and the choice of metric or scorecard that fully reflects the concept of «quality of life» of the population. The result of this study can be used to increase the effectiveness of state police in improving the quality of the population. Based on the analysis, the interpretation of the category «quality of life» of the population was formulated, and a sufficient list of indicators necessary for assessing the standard of living of the population was determined.

Key words: population; indicators; quality of life; state policy.

Достойный уровень и высокое качество жизни населения считаются основными условиями реализации человеческого потенциала и, как следствие, факторами социально-экономического развития любого региона. Задачи по формированию достойного качества жизни, снижения расслоения общества в настоящем периоде развития экономики Российской Федерации являются весьма значимыми. Решение данных вопросов напрямую влияет на социальную, политическую, экономическую устойчивость страны.

Актуальность проблемы понятийного аппарата «качество жизни» населения заключается в том, что существует множество методик и индикаторов, которые используются для оценки качества жизни, но нет общепринятой методики, на основе которой проводилась бы оценка качества жизни на территории всего мира. Ведь для сравнения качества жизни в регионах, странах, во всём мире нужно основываться на общепринятых показателях [1].

При оценке качества жизни трудно определить, какая именно концепция и система показателей может давать наиболее точную «картину» качества жизни населения. Необходимо учитывать, что существующие системы показателей дают информацию о

жизнедеятельности человека, его достатке, удовлетворённостью жизни и т.д., именно поэтому нужно выбрать такую систему показателей, которая бы учитывала разносторонние интересы человека.

Для начала необходимо определиться с интерпретацией понятия качества жизни населения. Понятие «качество жизни» – это многогранное понятие, которое состоит из очень многих связанных между собой элементов. В этом заключается сложность, но не только во взаимосвязях различных элементов, но и в их совокупном рассмотрении как одного термина. Качество жизни населения – это сложное понятие, которое выражается во всех аспектах жизнедеятельности человека. Невозможно определить качество жизни человека по какому-то одному конкретному показателю, потому что качество жизни определяется, прежде всего, в совокупности жизненного положения индивида.

До 1960 года термин «качество жизни» не был известен. Он не изучался учёными, ни в каких точных и гуманитарных науках. Впервые термин «качество жизни» был использован в книге американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта «Общество изобилия» (1960 год). В 1961 году он был использован социологом Д. Риоменом в работе «Одинокая толпа». Но именно как научный термин он был озвучен в 1963 году Президентом США Дж. Кеннеди. В 1964 году термин «качество жизни» звучал во фразе уже другого Президента США Л. Джонсона [7].

Качество жизни исследуют в различных дисциплинах, этот термин имеет междисциплинарный характер. Например, размышления о качестве жизни встречаются в таких дисциплинах как экономика, политология, социология и, конечно же, дисциплинах, связанных с медициной. Но одного, единого мнения по данному термину учёные так и не достигли, споры продолжаются до сих пор.

В России официальными статистическими материалами для оценки качества жизни граждан страны считаются сборники Росстата.

Существуют три подхода к определению качества жизни, такие как объективистский, субъективистский и комбинированный (рис. 1).

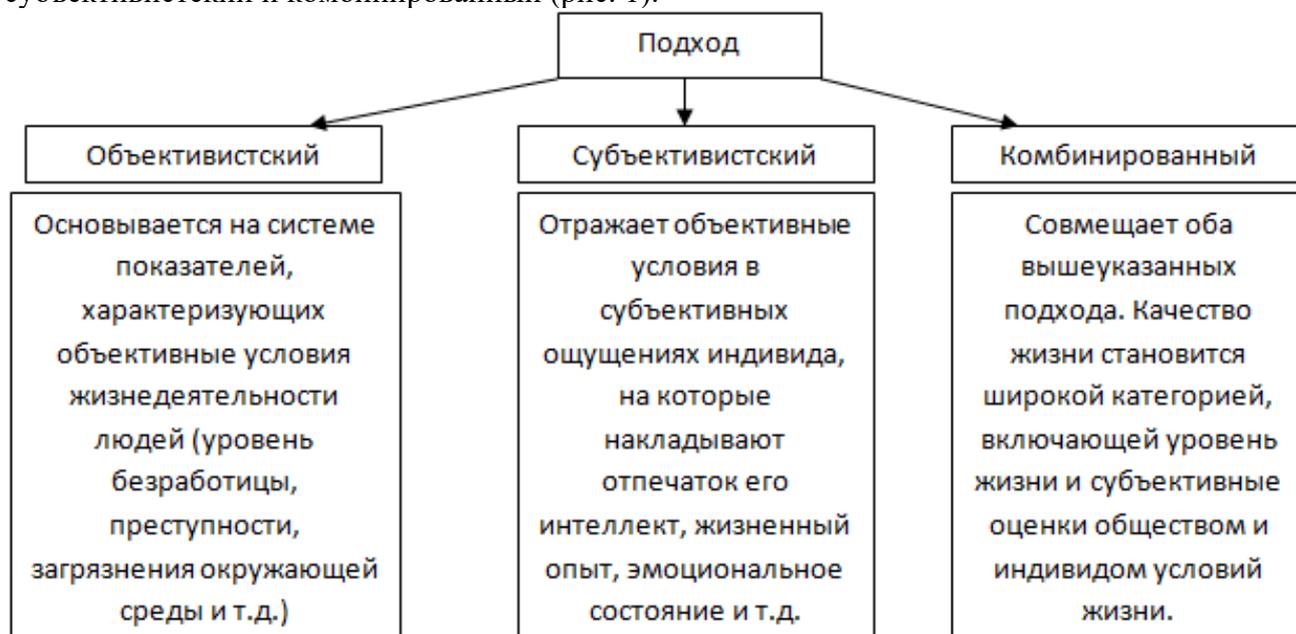

Рисунок 1 – Подходы к определению качества жизни

На основании объективистского подхода качество жизни использует показатели, которые по сути своей несут в себе исчисляемые характеристики, например, уровень безработицы, преступности, загрязнения окружающей среды и т.д. Учёные, которые используют данный подход, считают, что качество жизни несёт в себе по большей мере материальные блага. Также данный подход включает в себя анализ статистических данных, которые позволяют дать наиболее объективную оценку условий жизнедеятельности населения [2]. В субъективистском подходе оценки качество жизни оценивает внутреннее состояние человека, его

психологическое состояние, переживания, страх и прочее. В основном, субъективистский подход указывает на степень удовлетворённости человека своей жизнью [9]. В Соединённых Штатах Америки, Германии, Японии, Австралии, Канаде учёные придерживаются данного метода, объясняя это тем, что на основании данного подхода анализируется «ощущаемое», а не «измеряемое» качество жизни. Основопологающим фактором данного подхода является то, что только сам человек сможет дать оценку своего качества жизни, а посторонний не сможет понять, что находится внутри у человека и дать оценку, насколько удовлетворён человек своей жизнью. Иногда, нашему окружению кажется, что если человек зарабатывает, улыбается, живёт в достатке – то у него хорошее «качество жизни», но ведь только сам человек знает, насколько ему тяжело или, быть может, сам человек думает, что у него низкое качество жизни, потому что у него нет семьи. Для каждого этот термин будет трактоваться по-своему. Комбинированный подход – это смесь субъективистского и объективистский подхода. В этом подходе учитываются и материальные блага, и эмоциональное состояние человека. Данный подход более точно и конкретно раскрывает условия жизни индивида, так как включает в себя систему показателей из различных областей и наук, таких как экономика, социология и т.д. На основании этого, можно сказать, что качество жизни – это смесь жизненных «видимых» (объективных) условий и «невидимой» (по отношению к другим) удовлетворенностью своей жизнью (рис. 2).

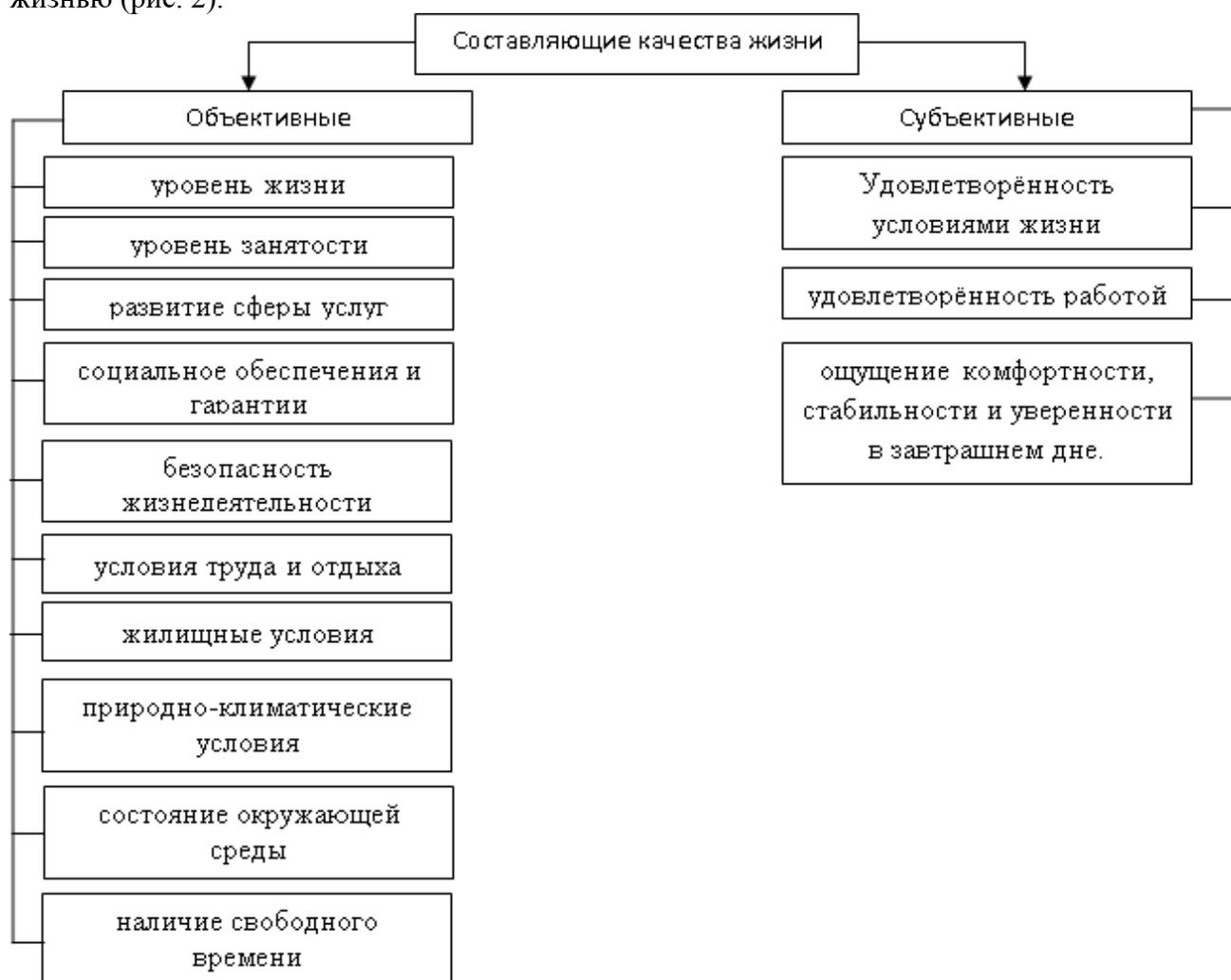

Рисунок 2 – Составляющие качества жизни [5]

Существует и обратная связь, ведь в зависимости от того, насколько мы удовлетворены своей жизнью, у нас появляются разные потребности. Может быть 2 варианта: вариант 1 – чем больше индивид удовлетворён своей жизнью, тем больше у него существует потребностей,

т.к. запросы растут. Вариант 2 – чем меньше индивид удовлетворён своей жизнью, тем больше у него существует потребностей, т.к. он стремится к лучшему [8].

Один из подходов, называемый теорией вовлеченности, изложенный в журнале «Прикладные исследования качества жизни», определяет четыре области оценки качества жизни: экология, экономика, политика и культура. Факторы, определяющие качество жизни, являются абстрактными, нематериальными и субъективными. Эти факторы включают свободу действий и свободу от негативных явлений. Например, свобода передвижения, мысли и религии – вот некоторые из этих факторов. Также как свобода от дискриминации, рабства и пыток. Качество жизни сопоставляют в соответствии с правами людей, такими как право на образование, человеческое достоинство, справедливое вознаграждение и право иметь семью.

В таблице 1 представлены классификации потребностей, разработанные различными учёными [6].

Таблица 1 – Классификация потребностей индивида

Автор	Классификация
К. Алдерфер	<ul style="list-style-type: none"> • существование • взаимосвязь • росте
Д. Макклелланд	<ul style="list-style-type: none"> • достижение • присоединение • власть
Ф. Герцберг	<ul style="list-style-type: none"> • гигиенические факторы • факторы-мотиваторы
классики марксизма-леннизма	<ul style="list-style-type: none"> • естественные потребности • потребности созданные обществом
Махнырылов В.П.	<ul style="list-style-type: none"> • физиология • социальные факторы
Барановая Л.Я.	<ul style="list-style-type: none"> • материальные блага • духовные блага
Рофе А.И	<ul style="list-style-type: none"> • физическое состояние • духовное состояние • социальное состояние
Тарасенко В. И	<ul style="list-style-type: none"> • существующая • развивающаяся
Подмаров В.Г	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечения • призвания • престижа
Завельский М.Г	<ul style="list-style-type: none"> • желание обладать благами, приносящими комфорт и наслаждение; • потребности, связанные с реализацией способностей человека
Генкин Б.М.	<ul style="list-style-type: none"> • потребности существования; • потребности достижения цели в жизни

В жизни человека существует различные потребности (первичные, вторичные), они могут меняться на протяжении всей его жизни, поэтому качество его жизни будет на разных этапах его жизнедеятельности иметь различную оценку, ведь с течением времени какие-то потребности уже будут удовлетворены, а какие-то останутся по-прежнему не достигаемыми.

Необходимо понимать разницу и разграничивать такие понятия, как качество и уровень жизни, ведь качество жизни не имеет прямой связи с экономическим ростом, а идентичный

уровень жизни не создаёт одинаковое качество, так как ценностно целевая ориентация человека содержит результаты развития только одного конкретного человека.

Наиболее полный набор показателей, которые могут использоваться для анализа качества жизни населения, приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Индикаторы, используемые для оценки качества жизни

№	Индикаторы качества жизни	Показатели
1	Уровень жизни (доходы, жизненный стандарт, уровень материального благосостояния и т.д.)	Среднедушевой доход, кратный прожиточному минимуму; объём ВВП на душу населения; общее потребление в расчёте на одного жителя в постоянных ценах и по приоритету покупательной способности, структура расходов по видам товаров и услуг и т.д.
2	Уровень развития социальной инфраструктуры (предоставление общественных услуг, качество социальной сферы и т.д.)	Протяжённость автомобильных дорог, обеспеченность легковыми автомобилями на душу населения; число телефонных аппаратов; протяжённость железных дорог и т.д.
3	Экологическое состояние среды жизни (состояние окружающей среды, качество экологической ниши и т.д.)	Загрязнение воздуха, поверхностных и подземных вод, почвы; оседание грунта; уровень шума; неприятные запахи; степень изменения ландшафта и т.д.
4	Состояние здоровья	Средняя продолжительность жизни, коэффициент младенческой смертности; количество инвалидов; доля здорового населения; количество обращений в больницу на 1000 жителей и т.д.
5	Личная безопасность (правовая защищённость, гражданская безопасность, спокойствие и т.д.)	Уровень преступности; доля преступлений, совершённых несовершеннолетними; число дорожно-транспортных происшествий; риск смертности от неестественных причин и т.д.
6	Уровень образования (образование и обучение т.д.)	Средний уровень образования экономически активного населения, число учащихся по всем видам учебных учреждений; обеспеченность местами в школах; доля неграмотных старше 15 лет и т.д.
7	Занятость (безработица)	Уровень занятости населения в трудоспособном возрасте; вынужденная неполная занятость; нагрузка на одну вакансию; число людей, отчаявшихся найти работу и т.д.
8	Качество трудовой жизни (условия труда и т.д.)	Продолжительность рабочей недели; доля работников с вредными и опасными условиями труда; продолжительность оплачиваемого отпуска; частота несчастных случаев и т.д.
9	Качества жилья (жилища и строительство жилищ и т.д.)	Площадь жилья, приходящегося на одного человека; благоустроенность жилья водопроводом, канализацией, газом; стоимость жилья; доля собственного жилья; структура жилого фонда и т.д.
10	Качество досуга и отдыха (отдых и развлечения, культура и т.д.)	Число посещений театров, библиотек, кинотеатров; отношение систематически занимающихся спортом к общей численности населения; площади мест для отдыха; тираж ежедневных газет и т.д.
11	Демографическая ситуация	Численность населения по половозрастным группам; коэффициент естественного прироста; индекс старения населения; сальдо миграции и т.д.
12	Социальное обеспечение	Социальные выплаты
13	Семья (воспитание детей)	Число браков относительно разводов; средний размер семьи; удельный вес детей, родившихся вне брака и т.д.
14	Социальные связи	Частота общения с друзьями, родственниками и т.д.

Можно утверждать, что качество жизни может быть улучшено за счет хорошего уровня жизни, но также важно отметить, что даже без всех материальных предметов качество жизни человека все еще может поддерживаться.

Большинство людей согласятся с тем, что должен учитывать уровень счастья при расчете качества жизни. Однако измерить или оценить счастье не так просто. Счастье вещь субъективная. Было установлено, что не всегда оно увеличивается прямо пропорционально получаемому комфорту, являющегося результатом повышения дохода. Стоит также учитывать важность оценки объективных показателей, определение их степени влияния на индивида, напрямую отталкивающихся от его культурного уровня, сформированных устоев, физиологического своеобразия.

Качество населения считается доминирующим критерием при определении эффективности деятельности государственных и региональных органов в сфере социально-экономической политики. Государству необходимо создавать благоприятные условия для повышения качества жизни населения на всех этапах жизнедеятельности человека. Для этого нужно улучшать социальную политику государства, которая была бы направлена на повышение уровня благосостояния населения. Существует множество механизмов оказания социальной помощи государством, например, такое направление социальной политики, как политика доходов населения. Но, как правило, социальная помощь оказывается гражданам, входящих в группу с низким уровнем качества жизни. При этом повышается только один показатель, такой как социальное обеспечение, а другие показатели остаются неизменны. Развитие отраслей социальной сферы может повлиять на показатели: качество досуга и отдыха, уровень образования, состояние здоровья и т.д.

Также для увеличения качества жизни необходимо делать акцент на таком показателе, как уровень безработицы. Эта проблема остро стоит на территории всей страны в целом, а также в её отдельных регионах, где-то в большей, где-то в меньшей степени. Для того, чтобы сокращать уровень безработицы, нужно развивать производственные мощности, проводить модернизацию предприятий с целью открытия новых цехов, для функционирования которых понадобятся специализированные кадры. Так же необходимо увеличивать льготы на открытие малого бизнеса. Значимая роль малого бизнеса состоит в том, что он обеспечивает население рабочими местами, снабжает рынок новыми товарами и услугами, удовлетворяет потребности и нужды, как частных лиц, так и крупных предприятий, и в результате чего происходит цикличное развитие всех сфер жизнедеятельности и производства.

Цифровизация способна дать новые толчки для развития экономики России, формированию новых бизнес-моделей. Нынешнее время диктует новую модель развития российских городов, которые основываются на инновациях и высоких технологиях. Передовые технологии дают возможность внедрять с учетом современных технических стандартов и нормативов оборудование, машины и механизмы нового поколения для того, что человек чувствовал себя удобно и комфортабельно в своём доме. Многие города Европы и Америки уже применяют при анализе качества жизни показатели, в основе которых заложены цифровые технологии. Мир меняется на наших глазах и делает новый шаг в будущее. Цифровые сервисы делают жизнь удобнее, повышая при этом качество жизни населения.

Таким образом, большое количество учёных, работающих в различных направлениях, имеют свой взгляд на термин «качество жизни» и основываются на различных показателях при его оценке. Но в основном они сходятся во мнении о том, что качество жизни, это не только материальное благополучие населения, и государству необходимо развивать социальную и экономическую политику, чтобы качество жизни населения имело положительную тенденцию к росту.

Список литературы:

1. Айвазян С.А. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований)/ М.: Синергия, – 2016. – 907 с.
2. Аверин Ю.П. Качество жизни населения России в XXI веке: благополучные годы (2002-2012): по

результатам социологических исследований/ М.: МАКС Пресс, – 2017. – 227с.

3. Глушакова О.В. Управление воспринимаемым качеством жизни: теоретико-прикладные аспекты / – Кемерово: КемГУ, –2006. – 168 с.

4. Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России / – М.: Беловодье, –2001. – 352 с.

5. Колчина О.А., Лесничая М.А. Когнитивное моделирование процесса управления межбюджетными отношениями в условиях неравномерности социально-экономического развития регионов. Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-2 (82). С. 1175-1184.

6. Савченко Т. Н. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования / – М.: Институт психологии РАН, – 2006. – 164 с.

7. Черкашина Т.Ю. Субъективное качество жизни населения: интегральная оценка и частные индикаторы // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3. – С. 97–110.

8. Lesnichaya M.A., Kolchina O.A., Kondzharyan H.A. Elaboration of municipal development trajectories for every type of municipal territories on the base of cognitive modeling// Proceedings of the 2019 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering, ElConRus 2019 8657278, p. 1421-1429.

9. Lesnichaya M.A., Kolchina O.A., Kondzharyan H.A. Elaboration of a conceptual scheme of municipal units classification according to the level of budgetary provision on the base of cluster analysis // Proceedings of the 2019 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering, ElConRus 20198657216, p. 1415-1420.

Для цитирования:

Нифонтова А.В. Анализ генезиса понятийно-терминологического аппарата «качество жизни» населения // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. №3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

Сведения об авторе:

Нифонтова Ангелина Вадимовна, магистрант кафедры государственного и муниципального управления Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: nifontova.angelina99@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ БИЗНЕСЕ**Подопригора М.Г.¹, Замурий Д.В.², Германова В.Г.³***¹Южный федеральный университет,
канд. экон. наук, доцент**²Южный федеральный университет,
магистрант**³Южный Федеральный университет,
магистрант*

Целью данной статьи является изучение организационного поведения различных субъектов в международном бизнесе. Для достижения поставленной цели были проанализированы различные факторы, оказывающие свое влияние на деятельность международных компаний. Также были рассмотрены и проанализированы аспекты национальной культуры, оказывающие влияние на организационное поведение и организационную культуру компании, на которые стоит обратить внимание перед тем, как выходить на международный рынок. По результатам анализа получен вывод о том, что международный бизнес – это сложная, гибкая и быстро развивающаяся динамическая система. Её развитие зависит от множества факторов. Именно поэтому к такому трудоемкому процессу, как выход на международный рынок, необходимо подходить с особой серьезностью и заранее начинать досконально изучать все нюансы, с которыми компания может столкнуться во время своей работы.

Ключевые слова: организационная культура; международный бизнес; национальная культура; организационное поведение.

ORGANIZATIONAL BEHAVIOR IN INTERNATIONAL BUSINESS**Podoprigora M.G.¹, Zamuriy D.V.², Germanova V.G.³***¹Southern Federal University,
Candidate of Economics, Associate professor,**²Southern Federal University,
Master's student,**³Southern Federal University,
Master's student*

The purpose of this article is to analyze organizational behavior in international business. To achieve this goal, various factors have been analyzed that have an impact on the activities of an international companies. Also, the aspects of the national culture that influence the organizational behavior and organizational culture of the company, which should be paid attention to before entering the international market, were considered and analyzed. Based on the analysis results, it was concluded that international business is a complex, flexible and rapidly developing dynamic system. Its development depends on many factors. That is why it is necessary to approach such a laborious process as entering the international market with particular seriousness and in advance begin to thoroughly study all the nuances that a company may encounter during their work.

Keywords: organizational culture, international business, national culture, organizational behavior.

В международном бизнесе могут функционировать различные субъекты, а именно: индивидуум, группа и организация. *Организация* представляет собой совокупность элементов внешней среды, культуры в целом и культуры внутри организации. *Индивидуум* – это личность человека, его отношение ко всему происходящему, восприятие мира, личные мотивационные факторы, а также стрессовые ситуации, происходящие в его жизни. *Группы* формируются из индивидуумов, которые имеют общие интересы. Именно там они имеют возможность коммуницировать друг с другом, принимать определенные решения, выступать в качестве

лидера, динамично развиваться в выбранной сфере с помощью принятой организационной структуры и вносить в нее некоторые коррективы. Не исключены и конфликты внутри группы, но именно они в некоторых ситуациях способствует развитию. В результате деятельности вышеперечисленных субъектов увеличивается производительность организации, индивидуумы удовлетворяют свои потребности в общении, возможно достижение ими психологического и физического благополучия благодаря вовлеченности в процессы развития.

Организационное поведение во всем мире приобретает все большее значение по мере того, как организации выходят за пределы своих национальных границ. В.В. Фитузов предложил следующее определение таких организаций: «Международная организация – это объединение государств, созданное в соответствии с международным правом и на основе международного договора, для осуществления сотрудничества в политической, экономической, культурной, научно-технической, правовой и иных областях, имеющая необходимую для этого систему органов, права и обязанности, производные от прав и обязанностей государств, и автономную волю, объем которой определяется волей государств-членов» [4]. Согласно А. Дорофеевой «Организационное поведение было введено в связи с необходимостью обозначения различных поведенческих реакций личности (группы) на организационные воздействия (стимулы, ролевые и административные требования, предписания и санкции), а также в связи с вариативностью типов этих реакций» [1].

Интернационализация бизнеса имеет множество проблем и последствий, особенно для лидерства и управления человеческими ресурсами. Среди них можно выделить различные вопросы и проблемы человеческих ресурсов, включая трудовые отношения; развитие лидерских качеств; укомплектование персоналом и компенсацию. Так, лидерство и человеческие ресурсы стали сложными и критически важными из-за политики занятости в разных странах, трудовых отношений и доступности сотрудников.

Организация, работающая в нескольких странах, взаимодействует с сотрудниками из разных культурных и социальных слоев. Именно поэтому культурное разнообразие также стоит отметить, как еще одну важную проблему, с которой сталкиваются транснациональные организации в области лидерства и управления человеческими ресурсами. Следовательно, важно понимать проблемы, влияющие на руководство и человеческие ресурсы международных организаций, поскольку важно вооружить руководителей таких компаний соответствующими инструментами для достижения успеха в бизнесе.

На организационную культуру компании, ведущей международный бизнес, наибольшее влияние оказывают факторы международной среды, которые представлены на (рис. 1):

- экономические;
- социокультурные;
- политико-правовые;
- национальные.

Рисунок 1 – Факторы международной среды, влияющие на организационное поведение и организационную культуру компании [2]

Рассмотрим каждый из факторов более подробно.

Экономические факторы. Экономика играет определенную роль в повседневной жизни. Сколько денег зарабатывает и тратит человек, его желания и потребности, конкурентные цены и т.д. – это все факторы, влияющие на финансовые решения, которые принимаются ежедневно. Организации также находятся под сильным влиянием экономических факторов. Крах рынка или рецессия непосредственно повлияют на продажи организации. Когда люди больше не могут позволить себе продукт или предпочитают тратить свои деньги в другом месте, компании подвергаются прямому воздействию. С другой стороны, компании выигрывают, когда экономика развивается, и люди могут тратить или инвестировать больше денег. Адаптация к изменениям в экономике и способность адаптировать организационные стратегии с учетом этих изменений необходимы для выживания компании.

Социокультурные факторы, такие как общественное мнение и общественные ожидания, являются значительными внешними факторами, которые заставляют компании корректировать свою деятельность. Если общественность негативно относится к организации, это может отрицательно сказаться на результатах её деятельности. Общество возлагает большие надежды на то, что организации будут социально ответственными. Социальная ответственность включает в себя широкий спектр тем, включая работу с общественностью, поощрение разнообразия, устойчивость и высокие этические стандарты. Каждая из этих тем должна быть включена в культуру компании. Благодаря пристальному вниманию общественности и мгновенному доступу к информации с помощью технологий, компании хорошо контролируются обществом.

Политико-правовые факторы отражают основные отношения между бизнесом и государством. Политическим факторам, влияющим на бизнес, часто придается большое значение. Несколько аспектов государственной политики могут повлиять на бизнес. Все фирмы должны следовать закону. Менеджеры должны найти, как предстоящие законодательные акты могут повлиять на их деятельность. Политическая среда может по-разному оказывать влияние на бизнес организации. Это может добавить фактор риска и привести к серьезным потерям. Руководство компании в первую очередь должно понимать, что политические факторы имеют возможность изменить результаты деятельности организации. Это также может повлиять на политику правительства на местном и федеральном уровнях.

Национальные факторы отражают национальную культуру страны и воплощаются в языке, религии, истории, обычаях, традициях, общепринятых нормах поведения, правилах ведения бизнеса. Национальная культура страны влияет на организационную культуру и, как таковая, влияет на деятельность организаций. Согласно Г. Хофстеде внутренняя культура отличается не только с точки зрения языка, религии и других факторов, но также с точки зрения того, как люди этой нации воспринимают и ведут себя [5]. Формирование организационной культуры проистекает из идеологических основ, убеждений и предположений. Перечисленные факторы являются базовыми для любой отрасли. Именно поэтому при ведении международного бизнеса им необходимо уделять значительное внимание. Упущение даже одного из факторов при организации деятельности компании может нанести существенный урон для ее успешного развития. На (рис. 2) представлены основные параметры, позволяющие проанализировать особенности различных культур.

Отношение к природе. Мир сталкивается с беспрецедентными экологическими угрозами на местном, региональном, национальном и глобальном уровнях. Именно поэтому тщательное рассмотрение взаимоотношений человека и природы является столь важным. Природа предлагает психологические преимущества, которые могут внести позитивный вклад в благополучие человека. Эти преимущества могут быть реализованным из удовлетворения врожденной потребности в принадлежности к природе.

Таким образом, поведение в ответ на природу может быть объяснено посредством биологически унаследованных чувств и социально сконструированных установок.

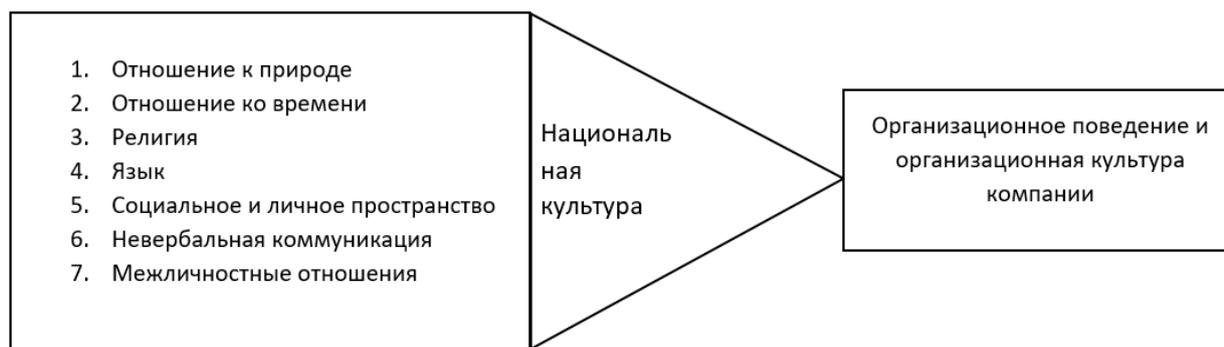

Рисунок 2 – Параметры национальной культуры, оказывающие влияние на организационное поведение и организационную культуру компании [3]

Различные культурные группы могут по-разному смотреть на природу. Например, восточная культура поддерживает единство человека и неба, в то время как христианская вера – это разделение человека и природы. Поэтому компании при взаимодействии с компаниями с другой культурой должны уделять достаточно внимания данным аспектам.

Отношение ко времени может отличаться в разных культурах зачастую весьма существенным образом. Например, опоздание на встречу является общепринятой нормой в большинстве средиземноморских и арабских стран, а также в ряде стран Азии. Но это осуждалось бы в США, Японии, Англии, Швейцарии. В японской железнодорожной сети, например, «вовремя» означает ожидаемую задержку менее чем на одну минуту, в то время как во многих других странах до пятнадцати минут опоздания все еще считаются «вовремя». Одним из способов рассмотрения культурного отношения ко времени является ориентация на время, культурное или национальное предпочтение по отношению к прошлому, настоящему или будущему. Соединенные Штаты имеют культуру, которая ценит занятость и отождествляет лихорадочный и быстрый образ жизни с успехом, статусом и важностью. Японцы уделяют больше внимания управлению временем и эффективному образу жизни, чем американцы, и поэтому могут чувствовать себя менее постоянно спешащими и разочарованными. Культуры, которые ориентированы на прошлое гораздо свободны в понимании времени. В отличие от Японии, в Индии нередко поезда опаздывают на несколько часов или даже на целый день, не создавая чрезмерного стресса и беспорядка. Вполне возможно, что такие культуры с тысячелетней историей имеют такую точку зрения, что время в масштабе минут или даже часов становится незначительным и несущественным.

Религия. В большинстве культур религия рассматривается как доминирующий фактор. Именно она оказывает влияние на ход деловых переговоров и их результаты.

Язык. Этому фактору также следует уделить особое внимание. Слово в одной стране может носить один смысл без негативного подтекста, а в другой стране оно может быть серьезным оскорблением. Это является главным барьером при коммуникации. Поэтому лучшим решением для компании-«новичка» в международном бизнесе будет нанять переводчика, который знает точные значения слов.

Социальное и личное пространство. Члены коллективистских стран предпочитают большие межличностные расстояния по сравнению с членами индивидуалистических стран. Это говорит о том, что в одних странах преобладает социальное пространство, в то время как в других – личное. Взаимодействие двух людей с разным размером личного пространства может привести к недопониманию и стать проблематичным.

Невербальная коммуникация включает в себя множество способов выражения. Физические примеры включают позу, жесты, зрительный контакт, прикосновение. Выбор одежды и украшений также может быть формой невербального общения. Поскольку бизнес часто предполагает частое взаимодействие с людьми из разных культур, понимание элементов невербальной коммуникации может быть огромным преимуществом с точки зрения работы с коллегами, конкурентами и клиентами.

Национальная культура. Культура нации является базовым компонентом из которого вытекают ценности и убеждения людей, которые в свою очередь оказывают влияние на отношения людей, которым присущи разные культуры. График, манера общения, внешний вид, время встреч и т.д. вытекают именно из национальной культуры. Ученые разработали различные системы классификации национальных культур мира. Их модели предполагают, какими будут примерные ценности людей в определенной культуре. Охарактеризуем важнейшие из них, используя модель параметров культуры Г. Хофстеде [5]:

- соотношение индивидуализма и коллективизма;
- дистанция власти;
- соотношение мужественности и женственности;
- отношение к неопределенности.

Соотношение между индивидуализмом и коллективизмом. Это измерение относится к тому, является ли индивидуальное или коллективное действие предпочтительным способом решения проблем. В культурах, ориентированных на индивидуализм, таких как США, Великобритания и Словения, люди склонны ставить индивидуальные потребности, заботы и интересы выше интересов своей группы или организации. В странах с высоким уровнем коллективизма, например, в странах Азии, ситуация обратная. В коллективистском обществе ожидается человеческое взаимодействие с членами своей группы. Практически невозможно воспринимать человека как личность отдельно от группы, с которой он связан.

Дистанция власти является ключевым фактором в организационной культуре, влияющим на ряд различных процессов на рабочем месте и фокусируется на степени равенства или неравенства между людьми в обществе страны. Некоторые нации согласны с большими различиями в силе и авторитете между членами разных социальных классов, а другие нет. Например, французы обладают относительно высокой дистанцией власти. Как правило, они не общаются с подчиненными и не хотят согласовывать с ними рабочие задания. В Израиле и Швеции, наоборот, рабочие группы требуют и имеют большую власть над рабочими заданиями и условиями труда.

Соотношение мужественности и женственности. Этот параметр характеризует распределение ролей в обществе между мужчинами и женщинами и способы решения проблем. Культурное измерение мужественности-женственности относится к степени, в которой ценности связаны со стереотипами мужественности (например, агрессивность, доминирование) и женственности (например, сострадание, сочувствие и эмоциональная открытость). В странах с высокой степенью мужественности, таких как Япония, Германия и Соединенные Штаты, как правило, существуют более дифференцированные по полу профессиональные структуры, при этом некоторые рабочие места почти полностью закреплены за женщинами, а другие – за мужчинами. Кроме того, повышенное внимание уделяется достижениям, росту и проблемам на рабочем месте. В этих культурах люди также более напористы и меньше заботятся об индивидуальных потребностях и чувствах, но уделяют повышенное внимание продуктивности. В странах с высоким уровнем женственности, таких как Швеция и Норвегия, большое внимание уделяется условиям труда, удовлетворенности сотрудников и их активному участию в работе организации.

Отношение к неопределенности. Эта характеристика демонстрирует, как чувствуют себя люди в неопределенных ситуациях, когда они не способны предсказать будущие события. Общества с высоким уровнем избегания неопределенности, как правило, предпочитают действовать в предсказуемой ситуации, в отличие от ситуаций, когда соответствующее поведение не оговаривается заранее. Те, у кого нет уверенности, предпочитают стабильную работу, безопасную жизнь, избежание конфликтов и меньшую терпимость к девиантным людям и идеям. Например, в Японии гораздо меньшая терпимость к отклонениям от принятых поведенческих практик, чем в США, а Швеция считается очень толерантным обществом.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что международный бизнес чрезвычайно сложная, но при этом перспективная сфера деятельности для любой компании, которая ставит перед собой цель стратегического развития. Для этого компании потребуется

максимально расширить границы своей деятельности, досконально изучить культуру той страны, на рынке которой планируется осуществление деятельности. Особое значение необходимо уделить таким базовым аспектам как экономика, политика, социальная культура и национальные особенности. Также важно изучить основы и культуру ведения бизнеса в выбранной стране. Не стоит забывать и о человеческом факторе. Невозможно предсказать, какой будет совокупность ценностей отдельного человека – не все в определенной культуре ведут себя одинаково. Иногда различия между отдельными культурами стран больше, чем между культурами в одной компании. Именно поэтому руководитель такой компании должен понимать, как сформировать интернациональный трудовой коллектив.

Список литературы:

1. Дорофеев В.Д., Шмелева А.Н., Частухина Ю.Ю. Организационное поведение. // Пенза: Изд-во Пензенского гос. Университета. – 2004. – С.75.
2. Дорофеева Л.И. Организационное поведение: учебник и практикум для академического бакалавриата // Л.И. Дорофеева. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Издательство Юрайт. – 2016. - 395 с.
3. Латфуллин Г.Р. Организационное поведение: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры // Г.Р. Латфуллин [и др.]; под редакцией Г.Р. Латфуллина, О.Н. Громовой, А.В. Райченко. –Москва: Издательство Юрайт. – 2019. - 301 с.
4. Фитузов В.В. Реформирование МВФ на современном этапе развития // В сборнике: Наука и образование в жизни современного общества сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 12 частях. – 2015. – С. 136-140.
5. Хофстеде Г. Мотивация, лидерство и организация: применимы ли американские теории в других странах? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. Менеджмент. – 2006. – Вып. 4. С.134-162.

Для цитирования:

Подопригора М.Г., Замурий Д.В., Германова В.Г. Организационное поведение в международном бизнесе // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. №3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

Сведения об авторах:

Подопригора Марина Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и инновационных технологий Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: mgpodoprigora@sfedu.ru

Замурий Дарья Витальевна, студент магистратуры кафедры менеджмента и инновационных технологий Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: daria_zamuriy@mail.ru

Германова Вероника Геннадьевна, студент магистратуры кафедры менеджмента и инновационных технологий Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: vera.germanova.2016@mail.ru

УДК 332.1.

АНАЛИЗ ГЕНЕЗИСА И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Разработка концепции повышения уровня и качества жизни населения региона в условиях межмуниципальной дифференциации с учётом трендов цифровизации экономики» № 20-010-00815 А

Шпорт А.А.

*Южный Федеральный университет,
магистрант*

Целью данной статьи является определение и анализ существующих подходов к интерпретации понятия «уровень жизни» населения, систематизация индикаторов, необходимых для проведения оценки уровня жизни населения. В работе использован теоретический метод исследования. Результатом работы является формулирование общего представления о значении понятия «уровень жизни» и выбор показателя или системы показателей, наиболее полно отражающих понятие «уровень жизни» населения. Результаты данного исследования могут использоваться с целью увеличения эффективности государственной политики в области повышения качества жизни населения. На основе проведенного анализа была сформулирована интерпретация категории «уровень жизни» населения, определен достаточный перечень показателей, которые необходимы при проведении анализа уровня жизни населения.

Ключевые слова: население; уровень жизни; показатели уровня жизни; государственная политика.

ANALYSIS OF THE GENESIS AND SYSTEMATIZATION OF THE CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS OF THE "STANDARD OF LIVING"

Shport A.A.

*Southern Federal University,
Master's student*

The purpose of the work is to identify and analyze existing approaches to the interpretation of the concept of "standard of living" of the population, systematization of indicators necessary for assessing the standard of living the population. The paper uses a theoretical research method. The result is the formulation of General ideas about the meaning of "quality of life" and the choice of metric or scorecard that fully reflects the concept of "standard of living" of the population. The result of this study can be used to increase the effectiveness of state police in improving the quality of the population. Based on the analysis, the interpretation of the category «standard of living» of the population was formulated, and a sufficient list of indicators necessary for assessing the standard of living of the population was determined.

Keyword: population; standard of living; living standards indicators; public policy.

Доминирующим критерием при определении эффективности деятельности государственных и региональных органов в сфере социально-экономической политики долгие годы считается уровень жизни населения. Актуальность проблемы понятийного аппарата «уровень жизни» населения существенна, так как из-за сложности и многогранности термина исследователи не определились с единым толкованием уровня жизни и используют его различные интерпретации и разные показатели. Однако, для сравнения уровня жизни в различных регионах, странах, а также во всём мире необходимо основываться на общепринятых показателях [4].

Изучение проблематики и понятийного аппарата уровня жизни в России началось в XIX в. Различные методологические подходы стали появляться в 60-80 годах XX века с появлением исследовательских работ авторов: Н.М. Римашевской, В.М. Рутгайзера, Л.Г. Зубова, В.Ф. Майера, В.И. Гурьева и других. Существуют несколько подходов к определению

данного термина, все они опираются на один конкретный показатель, отражающий состояние жизни граждан (рис. 1).

Рисунок 1 – Систематизация определяемого понятия [5].

Впервые термин «Уровень жизни» упоминается в трудах К. Маркса и означает не только удовлетворение физических потребностей, но и потребностей, которые порождены условиями воспитания и нахождения людей [3]. Подход от производства, предложенный К. Марксом, опирается на сумму благ, которые потребляет население на определенном этапе развития производства, в их число входят материальные блага, культурные, бытовые. Н.В. Римашевская употребляет определение уровня жизни в связке с количественными и качественными признаками благ, которые потребляются населением определённой страны, а также уровень удовлетворенности граждан этими благами. Совокупная стоимость потребляемых предметов определяет понятие уровня жизни в подходе от стоимости жизни [5]. В.Ф. Майер предложил следующее понятие: уровень жизни описывает доходные возможности гражданина, которые включают состав и их объемы, а ключевым показателем является прожиточный минимум и покупательная способность населения [2]. В комплексном подходе авторы используют косвенные показатели уровня жизни, такие как душевые значения ВВП, для сопоставления разных стран. Об этом упоминается в работах таких ученых, как В.И. Гурьева, а именно в «Основы социальной статистики» [4] и В.Ф. Майера соответственно «Уровень жизни населения в СССР» [1]. В России официальными статистическими материалами считаются сборники Росстата, которые определили основополагающие рубрики для оценки уровня жизни граждан страны. В этот список попадают такие показатели, как доход, заработная плата гражданина, социальные пособия и пенсии. В качестве примера можно рассмотреть индикаторы уровня жизни. Они дают представления об объеме и составе доходов, направлении их распоряжения, структуре потребительских расходов, а также важную роль играют показатели социального обеспечения и жилищных условий населения.

В.И. Гурьев построил определение «уровня жизни» на двух основных направлениях. Это удовлетворенность населения в производимой и предлагаемой продукции и уровень предоставления медицинского и культурного сервиса соответствующего муниципального образования.

Понятие «уровень жизни» у Н.А. Гореловой затрагивает интегрированные параметрические величины, исчисляющие качественные индикаторы удовлетворения духовных нужд в ограниченный промежуток времени [1].

Анализируя все вышеперечисленные определения и формулировки, авторы в основном делят их на два типа:

1. Первый тип основан на процессе образования экономических и материальных благ для достижения определенного уровня удовлетворения. Данный тип определяет уровень дохода к стоимости жизни на определенной территории.

2. Второй тип определения согласовывает такие понятия, как уровень доходов и стоимость жизни в разрезе с характеристиками потребления благ.

Уровень жизни напрямую имеет связь и зависимость от деятельности, направленной на получение выгоды, а также от структуры и объема государственного производства. Именно поэтому можно выделить обобщающий индикатор, которым являются реальные доходы. Но

необходимо понимать разницу и разграничивать такие понятия, как «качество жизни» и «уровень жизни», ведь качество жизни не имеет никакой связи с экономическим ростом, а идентичный уровень жизни не создаёт одинаковое качество, так как ценностно-целевая ориентация человека содержит результаты развития только одной конкретной личности.

Работы В. Колесова и Т. Маккинли характеризуют понятие уровня жизни с помощью таких индикаторов, как здоровый образ жизни, социальная мобильность, конверсия информации, участие в общественных движениях. Высокий уровень жизни способен предоставить индивиду свободу выбора, а точнее возможность выбора из нескольких вариантов. Данное мнение поддерживает и А. Сен, которые подчеркивает роль человека в процессе реформации общественного производства, так как индивид способен усилить социальное и политическое развитие. Население опосредованно влияет на социальные и экономические изменения, но при этом от него напрямую зависят благосостояние и свобода отдельного гражданина.

Разделение показателей уровня жизни на отдельные составляющие продемонстрированы в книге И.И. Дмитриева [4]. В разных группах находятся условия жизнедеятельности, доходы, расходы, потребление, имущество и жилище. Обобщающие показатели выделены в отдельный вид. Их основу составляют валовой внутренний продукт и, так называемый, индекс денежных доходов граждан страны. Помимо них, в состав обобщающих показателей И.И. Дмитриев ввел индексы цен на товары первой необходимости и процент граждан, имеющих доходы ниже величины прожиточного минимума. Оценка бедности, безработицы, образования и младенческой смерти, ожидаемая продолжительность жизни тоже играют немаловажную роль.

В странах Европы в основном используют показатели, принятые ООН, но у некоторых стран есть отличительные черты. Например, ООН за основной компонент оценки уровня жизни определил показатели рождаемости, продолжительности жизни и смертности, в то время как в странах Скандинавии такими показателями выступили занятость населения и численность активного населения. Также в ООН выделили такие индикаторы уровня жизни, которые отвечают за уровень образования, социальное обеспечение. Интересный факт – это наличие индикатора, который оценивает доступность транспорта и инфраструктуры. Во Франции все показатели укрупнены в группы, оценивающие численность активного населения, условия жизни, социальные стороны и доходы граждан. Но несмотря на различия существуют схожие моменты при проведении анализа уровня жизни, уровень соблюдения прав и свобод человека [7].

В наиболее полной формулировке, например, в категории «уровень жизни», наряду с уже упомянутыми определяются:

- оценка потребления различных товаров и услуг, как населением в целом, так и отдельными группами используется для того, чтобы провести анализ потребительского поведения;
- оценка образованности и уровень культуры применяются с целью анализа культурно-бытовых условий жизни;
- рождаемость, смертность, продолжительность жизни применяются для того, чтобы оценить демографическую ситуацию и последствия роста уровня жизни [1].

В 1993 году Министерство экономики Российской Федерации коллегиально с Госкомстатом РФ разработал комплекс показателей, который является на данный момент основной для России при проведении анализа уровня жизни. В системе представлено 7 разделов, в которых главенствующие места занимают 12 нижеперечисленных показателей (рис. 2).

Рисунок 2 – Показатели уровня жизни [9]

Таким образом, существуют множество подходов не только к определению, но и к системе показателей уровня жизни. На основе всех проанализированных теорий можно сформировать общую систему индикаторов для оценки и анализа уровня жизни, которая группирует все вышеперечисленные показатели (рис. 3).

Рисунок 3 – Индикаторы оценивания уровня жизни [3]

На современном этапе развития большое количество ученых пытались сформировать систему показателей, которая смогла бы точно и правильно оценить нынешнее состояние уровня жизни граждан Российской Федерации. Конечно же, во внимание были взяты опыт и разработки зарубежных ученых, которые первыми обозначили влияние современных технологий на жизнь обычного человека. В 2010 году в России были разработаны новые показатели, которые оценивают уровень жизни населения в условиях цифровой трансформации. К ним относят:

- анализ влияния современных технологий на состояние экономики страны;

- оценка влияния информационно-компьютерных технологий на развитие новых услуг и на качество товаров;
- уровень развитие цифрового правительства.

Цифровизация способна дать новые толчки для развития экономики России, формированию новых бизнес моделей, что приведет за собой привлечение инвестиций в страну, изменению структуры занятости рабочей силы, а в итоге улучшению уровня жизни граждан России [4]. Исходя из вышеперечисленного, существует множество подходов к интерпретации определения «уровень жизни» населения, а также множество различных групп показателей, которые оценивают уровень жизни. При этом необходимо разграничивать понятия «качество жизни» и «уровень жизни», так как качество жизни более широкое понятие. Уровень жизни населения показывает только материальное благополучие населения, такое как доступ к транспорту, питанию, жилью, одежде, коммунальным услугам, образованию и пр. Но на данный момент к неотъемлемой части этого перечня принадлежат продукты и услуги цифровой трансформации.

Список литературы

1. Горелова Н. А. Политика доходов и качество жизни населения. – Санкт-Петербург: Питер, - 2003. – 653 с.
2. Гурьев, В.И. Основы социальной статистики. – М.: Финансы и статистика, - 1991. – 65 с.
3. Маркс, К. Сочинения: сентябрь 1864 – июль 1870. – М.: Государственное издательство политической литературы, - 1960. – Т. 16. – 860 с.
4. Шабунова А.А., Морев М.В., Россошанский А.И., Белехова Г.В. Уровень жизни и социальная реальность: мониторинг перемен: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, - 2015. – 122 с.
5. Римашевская, Н.М. Семья, труд, доходы, потребление. – М.: Наука, - 1977. – №6. - С. 25-29.
6. Майер, В.Ф. Уровень жизни населения СССР. – М.: Мысль, - 1977. – №2. - С. 6-7.
7. Колчина О.А., Лесничая М.А. Когнитивное моделирование процесса управления межбюджетными отношениями в условиях неравномерности социально-экономического развития регионов. Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 5-2 (82). – С. 1175-1184.
8. Методологические разработки Росстата. [Электронный ресурс]. – URL: https://gks.ru/bgd/free/meta_2010/IssWWW.exe/Stg/d1996/i000140r.htm
9. Johansson S. Conceptualizing and Measuring Quality of Life for National Policy. FIEF Working Paper Series, - 2019. - № 171. - P. 1-16.
10. Lesnichaya, M.A., Kolchina, O.A., Kondzharyan, H.A. Elaboration of municipal development trajectories for every type of municipal territories on the base of cognitive modeling// Proceedings of the 2019 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering, ElConRus. – 2019. 8657278 – p. 1421-1429.
11. Lesnichaya, M.A., Kolchina, O.A., Kondzharyan, H.A. Elaboration of a conceptual scheme of municipal units classification according to the level of budgetary provision on the base of cluster analysis // Proceedings of the 2019 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering, ElConRus. – 2019. 8657216 – p.1415-1420.

Для цитирования:

Шпорт А. А. Систематизация понятийно-терминологического аппарата «уровень жизни» // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. №3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

Сведения об авторах:

Шпорт Анастасия Александровна, магистрант кафедры государственного и муниципального управления Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

Контактная информация: shport_anastasiia@mail.ru

ENTERPRISE AS ECOSYSTEM: ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT

Gavrish E.N.¹ Orlova V.G.²

¹ Southern Federal University,
Master's student

² Southern Federal University,
Candidate of Economics, Associate professor

Industrial enterprises are the basis of socio-economic sustainability of any modern economy. The object of this study is a machine-building enterprise. The basis for the development of management, production and marketing processes in the enterprise is the institutional environment. In the context of globalization, all enterprises have the opportunity to work in the international market, which requires an appropriate institutional base, the study of which this work is devoted. As a research methodology, an ecosystem model is applied within the framework of systemic economic theory. In the framework of this methodology, the enterprise is considered as an ecosystem, which is a complex of four subsystems: environmental, process, design, object. The key opportunities and problems of the institutional environment of a machine-building enterprise that determine the prospects for entering the international market are identified.

Keywords: industrial enterprise; systemic economic theory; ecosystem subsystems; institutional environment; regulatory legal base

ПРЕДПРИЯТИЕ КАК ЭКОСИСТЕМА: АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Гавриш Е.Н.¹ Орлова В.Г.²

¹ Южный федеральный университет,
магистрант

² Южный федеральный университет,
канд. экон. наук, доцент

Промышленные предприятия являются основой социально-экономической устойчивости любой современной экономики. Объектом данного исследования является машиностроительное предприятие. Основой развития управленческих, производственных и маркетинговых процессов на предприятии является институциональная среда. В условиях глобализации все предприятия имеют возможность работать на международном рынке, что требует соответствующей институциональной базы, исследованию которой и посвящена данная работа. В качестве методологии исследования применена модель экосистемы в рамках системной экономической теории. В рамках данной методологии предприятие рассмотрено как экосистема, представляющая собой комплекс четырех подсистем: средовой, процессной, проектной, объектной. Определены ключевые возможности и проблемы институциональной среды деятельности машиностроительного предприятия, определяющие перспективы выхода на международный рынок.

Ключевые слова: промышленное предприятие; системная экономическая теория; подсистемы экосистемы; институциональная среда; нормативная правовая база

Industry is one of the main locomotives of sustainable economic development of the country. Currently, industrial policy is becoming more systematic. In the context of globalization, all enterprises have the opportunity to work in the international market, which expands their capabilities.

The development of strategic directions for the development of enterprises in the domestic and international markets requires an appropriate institutional framework, the analysis of which is the purpose of this study.

The object of this study is the machine-building enterprise Joint-Stock Company «Krasny Hydropress», which, along with 32 leading enterprises of the Russian military-industrial complex, is included in the holding Joint-Stock Company «Tactical Missiles Corporation». Joint-Stock Company «Krasny Hydropress» is a diversified and multinomenclature engineering production, producing 350 items. The company produces deck weapons for ships, sea trawls, desalination plants and equipment for shipbuilding.

Depending on changes in the economic structure, development of innovative enterprises and industrial production as a whole, various analytical research methods are used.

Petrov M.V, Burov V.V. et al. note that changes in the production sphere are due to the introduction of innovative technologies [11]. Such changes often lead to a change in the management model, in particular, interactions with partners change (for example, the rejection of intermediaries between manufacturers). At the same time, Bek M.A., Sheresheva M.Y. and others believe that the production of high-tech products requires the interaction of several partner enterprises [12]. Such partners can be not only suppliers of materials, distributors and buyers, but also various research centers, universities and organizations (both private and state).

In such situations, researchers are increasingly using the concept of ecosystems. In particular, Adner R. under the ecosystem means «the structure of the coordination of a multilateral set of partners who need to interact in order to implement the main value proposition» [13]. The author believes that the success of ecosystem development depends on the degree of satisfaction of participants with their position.

The authors of the article «On the Way to the Theory of Ecosystems» propose the following definition of an ecosystem: this is a set of subjects with varying degrees of multilateral, non-generalized complementarity, which are not fully hierarchically controlled [14]. The importance of the complementarity of ecosystem enterprises, as well as their joint specialization, is also noted. Such specialization means that participation in the ecosystem involves certain investments that cannot be realized outside the ecosystem. This determines the affiliation of enterprises to a particular ecosystem.

In this regard, as a methodology for this study, the ecosystem model in the framework of systemic economic theory (ETS) by Kleiner G.B. Ecosystem is a complex of four subsystems: object, environment, process and design (innovative) [10].

In the framework of this methodology, the object subsystem includes the buildings of the enterprise and its other structures, its organizational structure. The environmental subsystem of the enterprise includes: institutional, infrastructural, intellectual, investment, information environment. It is aimed at creating a homogeneous environment for economic activity. «Formal rules legalize the procedures necessary for the development and updating of social, economic and political relations, since they form a single legitimate platform for the interaction of participants included in these processes» [15].

The process subsystem includes management, production and marketing processes. Within the framework of this subsystem, it is necessary to take into account conflicts of interest of a large number of participants. Thus, the institutional environment underlies the development of managerial, production and marketing processes in the enterprise, which also actualizes the purpose of this study.

Domestic and foreign scientific papers show an increased interest in the analysis of the institutional environment. Many researchers narrow the definition of institutional environment in accordance with the direction of their research. In foreign and domestic scientific works, there are several concepts of the category «institutional environment»: institutional system, institutional field, institutional framework, and institutional space.

Such a variety of definitions demonstrates a lack of an accurate idea of what is part of the institutional environment. North D. considers the main purpose of institutions to reduce uncertainty by establishing a stable structure of interaction [16]. The institutional system is a set of rules, procedures, as well as moral and ethical behavior of society in order to maximize profits.

Williamson O. narrows the boundaries of the institutional environment to formal rules to make it suitable for analysis and suggests considering 4 institutional levels [17]. The first level is not quantifiable and represents informal rules, religions, customs and traditions. The second level

includes formal rules (laws, rights, constitution), which include judicial, executive, legislative functions of the government. The third level includes institutions of management, and the fourth - institutions of resource allocation and employment.

Ananyin O.I. suggested considering the institutional environment in terms of form and structure. [18].

The formation of an institutional environment aimed at streamlining the activities of industries and enterprises is accompanied by certain difficulties. The development of various industries and fields of activity is sometimes ahead of updating the relevant regulatory legal framework, and is also accompanied by other kinds of difficulties associated with the formation of draft laws, their adoption and the implementation process. So, Korovin G.B. considers the development of law in the field of industrial policy at the federal and regional levels. [19].

In turn, Voigt S., analyzing the implementation process, draws attention to the failure to comply with the rules defined in legal acts, which leads to gaps between the real behavior of entities and the norms defined by formal institutions [20].

Summing up the review of studies on the institutional environment, it should be said that there are a lot of works (fundamental) that highlight the problems of the formation of the institutional environment, lying in the theoretical plane.

We also note that there are a large number of studies whose object is Federal Law № 488-FZ. These studies do not differ in constructiveness and systematic presentation, which complicates the application of their results in practice. There are very few applied studies on the institutional environment of industrial enterprises. Often authors analyze the institutional framework for the development of industrial production, which has a specific character (associated with the development of small businesses in the field of standardization and certification).

To solve the tasks in this study, under the institutional environment for the development of an industrial enterprise JSC «Krasny Hydropress», we mean a system of dependent, formal and informal norms that have been in effect for a long period that determine decision making and the format of interaction between economic entities [21]. For the development of the institutional environment, the regulatory aspect, which is expressed in the formation of a legitimate legal field for the functioning of an industrial enterprise, is important.

The federal industrial legal sphere consists of two interacting areas – industry and regional. The regional component of the federal industrial sphere has been actively updated in recent years.

In 2015, the Federal Law on Industrial Policy came into force, which established key goals, objectives, and tools for its implementation [1]. The law defines the possibility of creating state funds for industrial development in order to provide financial support to enterprises. This type of support is implemented in financial leasing formats (both state and other sources of funds are used), grants, and loans. Separately declared support for scientific, technical and innovative activities of enterprises.

Industry enterprises can conclude a special investment contract, the conclusion of which is provided for in federal legal acts, as well as in government decrees, in particular, in a resolution of 2015 «On special investment contracts for certain industries» [3]. In accordance with this document, in the process of stimulating the development of an industry, an enterprise can receive financial resources aimed at developing innovative types of goods, improving production.

The formation of industrial parks and clusters is carried out taking into account the territorial aspect, which is reflected in presidential decrees and government decrees [4]. This document provides for the development of a network of territorial industrial clusters aimed at realizing the competitive potential of territories, and the formation of a number of innovative high-tech clusters. Due to synergies, enterprises operating within the framework of such territorial-sectoral entities are able to accelerate innovative development, which makes them more competitive in the international market.

Federal Law N 44 adopted on 05.04.2013, contains provisions and rules on the system of federal contracts for the procurement of services and products realized on territory in Russia, improves the efficiency of interaction between economic entities, the quality of contracts, and also promotes the development of competition [2]. The law is the basis for the development of such types of interaction as a life cycle contract and a turnkey contract.

To enable the enterprise to function on the international market, several regulatory legal acts provide subsidies to exporting organizations of finished products. Compensation of costs can be provided for various types of export activities:

- compensation for part of the costs of transporting products of civilian industry (the amount of possible compensation is 80%);
- placement of company products in a demonstration pavilion in a foreign country (the government is creating a demonstration center in a foreign country, operating on an ongoing basis, for the purpose of high-quality communication with business and potential consumers of products);
- compensation for export loans of commercial banks (the state compensates for interest rates on loans provided to foreign buyers of domestic products and their banks);
- compensation of expenses for patenting abroad (costs to be compensated related to preparation of documents, payment of duties, registration of trademark abroad);
- financing the costs of participation in international congress and exhibition events and business missions (the state export support institute draws up every year a list of events that are subject to financial support, while attracting financial resources from interested federal structures, organizations and associations) [22].

In addition to the provisions that contribute to the development of the international activity of enterprises, as a result of the analysis of regulatory legal acts, some difficulties are identified for its implementation. In particular, strategies for entering specific markets are not reflected; mechanisms for the provision of state support are not properly presented; uneven distribution of available resources across sectors and regions due to the large number of industrial development subprograms [5]; lack of the chain «product - technology – market» in a number of significant documents [6].

Among the main problems we note:

- «fuzziness» of the rules of responsibility for the implementation of individual programs conducted by authorities [7]. There is no statutory obligation of the power structure to support industry. Federal industrial policy act, which is included in legal acts of a general nature, from this point of view only sounds like a declaration of intent;
- frequent use of the word «may», meaning the absence of an obligation to perform the actions specified in the document [8];
- insufficient control and coordination in the implementation of industry development strategies, which leads to their non-implementation. Thus, by 2020, most of the planned program indicators have not been fulfilled. This is primarily due to the inefficiency of the tools laid down in the strategies. Another drawback of all program and strategic documents is the incorrectness of performance evaluation criteria, the main of which is profit [9]. In the case of enterprises in the innovation sphere, the most important and objective criterion for scientific and technological leadership is the increase in sales of high-tech and high-tech products. Unfortunately, this criterion is not taken into account in program documents and strategies.

Conclusion.

1. In this paper, an approach is substantiated to study the activity of an industrial enterprise in an ecosystem model within the framework of an ETS, including an object, environment, process and design (innovative) subsystem. This allowed us to shift our attention from studying the market (industry) as a whole to the enterprise, as its subsystem.

2. A review of studies on the institutional conditions for the functioning of industries and fields of activity showed that quite a lot of work (fundamental) is devoted to the problems of creating an institutional environment that lie in the theoretical plane. Among applied research, many studies focus on the analysis of Federal Law N 488-FZ, which does not differ in constructiveness and consistency of presentation, which makes it difficult to put their results into practice. Regarding studies on the institutional environment of industrial sectors, authors often analyze the regulatory framework associated with the development of small businesses in the field of standardization and certification, etc.

3. An analysis of the content of federal and regional regulatory, programmatic and strategic documents made it possible to identify key opportunities and problems in the institutional

environment of industrial enterprises. The study shows that in the face of a variety of regulatory frameworks, despite the existing problems, we can talk about the formed environment for industrial enterprises planning activities on the international market.

The work carried out is the basis for further research of the indicated subsystems of the enterprise ecosystem: process, design, object. In continuation of this study of the environmental subsystem of the industrial enterprise Joint-Stock Company «Krasny Hydropress» as an ecosystem, it is necessary to analyze the infrastructure and investment conditions for its development.

References:

1. Federal Law on 31.12.2014 № 488-FZ «On Industrial Policy in the Russian Federation» (as amended on 02.08.2019) // Official website of the Consultant Plus legal reference system. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (reference date 27.06.2020)
2. Federal Law on 05.04.2013 № 44-FZ «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Work, and Services to Ensure State and Municipal Needs» (as amended on 24.04.2020) // Official website of the Consultant Plus legal reference system. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (reference date 27.06.2020)
3. Decree of the Government of the Russian Federation on 16.07.2015 № 708 «On special investment contracts for certain industries» (as amended on 15.01.2020) // Official website of the consultant-plus legal system. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183055/ (reference date 27.06.2020)
4. Decree of the Government of the Russian Federation on 31.07.2015 № 779 «On Industrial Clusters and Specialized Organizations of Industrial Clusters» (as amended on 02.08.2018) // Official website of the consultant-plus legal system. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183798/ (reference date 27.06.2020)
5. Decree of the Government of the Russian Federation on 15.04.2014 № 328 «On approval of the state program of the Russian Federation «Development of industry and increase of its competitiveness» (as amended on 31.03.2020) // Official website of the consultant-plus legal system. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162176/ (reference date 27.06.2020)
6. Decree of the Government of the Russian Federation on 29.03.2019 № 377 «On the approval of the state program of the Russian Federation «Scientific and technological development of the Russian Federation» (as amended on 31.03.2020) // Official website of the reference legal system Consultant Plus. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/ (reference date 27.06.2020)
7. Decree of the Government of the Russian Federation on 09.06.2020 № 1523-r «On approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period until 2035» // Official website of the reference legal system Consultant Plus. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/ (reference date 27.06.2020)
8. Decree of the Government of the Russian Federation on 10.05.2016 № 868-r « About the Strategy for the development of the building materials industry for the period until 2020 and a further perspective until 2030» // Official website of the reference legal system Consultant Plus. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197766/ (reference date 27.06.2020)
9. Decree of the Government of the Russian Federation on 28.10.2019 № 2553-r «On approval of the Strategy for the development of the shipbuilding industry for the period until 2035» // Official website of the reference legal system Consultant Plus. [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336470/ (reference date 27.06.2020)
10. Kleiner G.B. Ecosystem economics: a step into the future / G.B. Kleiner // Economic revival of Russia. - 2019. - №. 1 (59). - S. 40-45 // Kleiner's official website [Electronic resource]. - URL: <http://kleiner.ru/pubs/ekonomika-ekosistem-shag-v-budushhee/> (reference date 27.06.2020)
11. Burov V.V., Petrov M.V., Shklyaruk M.S., Sharov A.V. The state as a platform. (Cyber) state for the digital economy. Digital Transformation. // The official website of the Center for Strategic Research. [Electronic resource]. - URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf> (reference date 27.06.2020)
12. Methodology for the study of network forms of business organization: collection. monograph / Bek M.A., Bek N.N., Buzulukova E.V. and etc.; under the scientific. ed. Sheresheva M.Y. ; Nat researched University «Higher School of Economics». 2014. // [Electronic resource]. URL: https://id.hse.ru/data/2014/03/03/1329781519/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB.%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4.%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D1%85_%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (reference date 27.06.2020)
13. Ron Adner Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy / Journal of Management. 43 (1) // [Electronic resource]. - URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0149206316678451> (reference date 27.06.2020)
14. Michael G. Jacobides, Carmelo Cennamo, Annabelle Gawer Towards a theory of ecosystems // Strategic Management Journal. 2018 (August) [Electronic resource]. - URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/smj.2904> (reference date 27.06.2020)

15. Kirdina S., Kirilyuk I., Rubinshtein A., Tolmacheva I. The Russian Model of Institutional Change: the Experience of Empirical and Statistical Research // Official site of the journal Economics. No.11 (2010) [Electronic resource]. - URL: <http://www.kirdina.ru/doc/news/25sep11/vopreco.pdf> (reference date 27.06.2020)
16. North D. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance / D. North. - M.: 1997. - 180 p. [Electronic resource]. - URL: (<http://cee-moscow.com/doc/izd/North.pdf>) (reference date 27.06.2020)
17. Oliver E. Williamson The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead/ Journal of economic literature vol. 38, no. 3, september 2000 (pp. 595-613)/ [Electronic resource]. - URL: (<https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jel.38.3.595>) (reference date 27.06.2020)
18. Ananyin Y.A. The concept of economic transformation of post-Soviet society (some methodological lessons) // World Economy and International Relations. 1996. N 6. (reference date 27.06.2020)
19. Korovin G.B. Legislative regulation of industrial development in the industrial regions of Russia / Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law. Volume 26 N. 3 (2016) // [Electronic resource]. - URL: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/3118> (reference date 27.06.2020)
20. Voigt, Stefan, 2013. How (Not) to measure institutions. Journal of Institutional Economics, Cambridge University Press, vol. 9(1), pages 1-26, March. [Electronic resource]. - URL: (https://ideas.repec.org/a/cup/jinsec/v9y2013i01p1-26_00.html) (reference date 27.06.2020)
21. Kleiner G.B. Institutional changes: design, selection or prosthetics // Official website of Kleiner GB [Electronic resource]. - URL: <http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/12/institutizmenen.pdf> (reference date 27.06.2020)
22. Special export support programs // Official site of the Russian export center. [Electronic resource]. - URL: <https://www.exportcenter.ru/services/subsidirovanie/> (reference date 27.06.2020)

For citation:

Gavrish E.N., Orlova V.G. Enterprise as ecosystem: analysis of the institutional environment // Online scientific journal «Management in economic and social systems». 2020. No. 3(5).URL: <http://www.journal-mes.ru>

Bio Note:

Gavrish Elena Nikolaevna, Master's student of the Management and Innovative Technologies Department of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog, Russia.
Contact information: sentischeva_elena@mail.ru

Orlova Vlada Georgievna, Candidate of Economics, associate professor of the Management and Innovative Technologies Department of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog, Russia.
Contact information: vlada2266@gmail.com

DEVELOPMENT OF PORT-INDUSTRIAL ENTERPRISES: THE INSTITUTIONAL ASPECT

Ivanenko T.A.¹, Orlova V.G.²

¹*Southern Federal University,
Master's student*

²*Southern Federal University,
Candidate of Economics, associate professor*

At present, the oil refining industry is actively developing in the Russian Federation. Many enterprises of this industry are located on the territory of seaports, which contribute to the implementation of the strategic economic and political interests of the state. This work is devoted to the study of the institutional conditions for the functioning of port-industrial companies, and trends in the development of the seaport industry are identified. The main problems of the functioning of the port enterprises of the oil refining industry, as well as the difficulties caused by the functioning of the two systems of normative legal documents, are determined.

Keywords: ports; port industrial enterprises; oil refining industry; institutional conditions; legal framework

РАЗВИТИЕ ПОРТОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Иваненко Т.А.¹, Орлова В.Г.²

¹*Южный федеральный университет,
магистрант*

²*Южный федеральный университет,
канд. экон. наук, доцент*

В настоящее время в Российской Федерации активно развивается нефтеперерабатывающая отрасль. Множество предприятий данной отрасли располагаются на территории морских портов, которые способствуют реализации стратегических экономических и политических интересов государства. Данная работа посвящена исследованию институциональных условий функционирования портово-промышленных компаний, выявлены и тенденции развития отрасли морских портов. Определены основные проблемы функционирования портовых предприятий нефтеперерабатывающей отрасли, а также сложности, обусловленные функционированием двух систем нормативно-правовых документов.

Ключевые слова: порты; портово-промышленные предприятия; нефтеперерабатывающая отрасль; институциональные условия; нормативно-правовая база

Currently, the ports are a zone of industrial development, since enterprises of various industries operate on their territory, which is important for the development of coastal territories. Every year the number of enterprises engaged in production activities on the territory of seaports is growing. Most of Russia's ports are international, which contributes to the foreign economic activity of port-industrial enterprises.

Port industrial enterprises are a strategic object for the development of the state economy and transport system. Seaports are complex territorial and sectorial objects, on the territory of which there are many transport, logistics and industrial enterprises. One of the main activities of enterprises operating on the territory of Russian ports is oil refining. These companies, as a rule, strive to develop and capture a larger market area by increasing production capacities and introducing new technologies. In addition, in the conditions of high global demand for petroleum products, many enterprises are striving to enter the international market in order to achieve high profits, increase market share and find new partners. These circumstances require a study of the institutional framework that regulates the oil refining industry.

The object of this study is port industrial enterprises operating in the oil industry, one of which is Kurgannefteprodukt LLC, operating on the area of the Taganrog seaport. The main activity of the company is the transshipment of oil products. To develop the Kurgannefteprodukt LLC enterprise, increase the number of consumers in the oil product market and increase profits, it is necessary to expand the range of cargo. To this end, the company is implementing a plan to install equipment for mixing heavy and light fuels. After the installation is put into operation, it becomes possible to obtain a third type of fuel from two derivatives. In addition to operating in the Russian market, Kurgannefteprodukt has experience in the international market, being part of the logistics chain between Russian manufacturers and foreign buyers. For the most effective management and development of the enterprise, it is needful to analyze and systematize the regulatory documents governing the industry in which the company operates.

The goal of this work is to research the institutional environment of enterprises of various industries operating on the territory of ports in the context of two systems of regulatory documents: those supporting the activities of seaports and industries. To do this, it is necessary to decide the following tasks: to study the legal documents governing the activities of port-industrial enterprises; analyze the institutional framework for the functioning of seaports; identify problematic aspects of the activities of these enterprises. Any activity of an enterprise, including in the international market, needs a well-developed regulatory framework that opens up opportunities for the growth and development of the enterprise and minimizes risks both in the domestic and foreign markets. The search for studies devoted to the study of the institutional base of enterprises operating in the territory of ports showed an extremely small number of works.

In any field of activity, there are partner enterprises, whose activities must also be regulated by regulatory documents. N.V. Kudritskaya notes that the institutional framework governing the sphere of partnerships needs to be expanded and requires reforms in the field of regulatory support, taking into account international experience [2]. This is relevant for the object of research, since such organizations cooperate not only with domestic enterprises, but also with companies from the CIS countries. Noting the strategic importance of seaports, Y.E. Brazovskaya points to the need to improve the methods and forms of their management [1]. The management process is one of key at the enterprise, and its implementation requires an appropriate institutional framework, which is also relevant for enterprises operating on the territory of seaports. In addition, these enterprises are guided by regulatory documents that correspond to their industry focus.

Each Russian company has the right to cooperate with foreign partners, but it is important for the company to choose the best way to enter a specific market. According to T.V. Loginova in the process of determining the international market of the company must take into account: the potential and conditions of this market; the intensity of the used methods of competition; goals and capabilities of a particular organization [4]. Opportunities and threats can be created by institutional conditions.

There are many Federal Laws that govern the port industry. After analyzing the documents and federal laws, we can identify the main risks in the activities of port industrial enterprises (table 1).

The content of Articles 1 and 8 of the Federal Law N 261-FZ demonstrates the following opportunities for port industrial companies: carrying out various types of activities in seaports, establishing the basis for state regulation of activities in seaports, as well as the implementation of economic activities in the port special economic zones [7]. However, this federal law does not specify the aspects of the economic activity of private enterprises, and also insufficiently covers the issues of attracting investments. According to the Federal Law N 16-FZ, the safety of ships, the safe operation of the transport complex, as well as protection against acts of unlawful interference are ensured, which has a positive effect on the activities of a port industrial enterprise [6]. However, this law does not provide for the protection of cargo and compensation for its loss in any way, because of which the enterprise can lose significant profits. The order of the Ministry of Industry and Trade of Russia N651 identifies the main priority areas for the development of the Russian economy: the growth of the chemical and petrochemical industry in the Russian economy, as well as the implementation of the innovative potential of the Russian economy [8]. However, this document does not sufficiently

highlight anti-risk measures of crisis phenomena in the economy, unfair competition from trading partners, and man-made disasters (table 1).

Table 1 – Analysis of the institutional base for the development of port and industrial enterprises

Document	Articles	Opportunities	Threats
1. Federal Law N 261-FZ	Article 1. Article 8.	The ability to engage in various types of activities.	Insufficient illumination of aspects of economic activity.
2. Federal Law N 16-FZ	Article2. Article3. Article8. Article9.	Ensuring the safety of ships.	The safety of the cargo is not ensured.
3. Order of the Ministry of Industry and Trade N 651	Points 2.1., 3.1., 3.3., 4. and7.	The priorities of the country's economic development are highlighted.	Anti-risk measures are not well covered.
4. Resolution of the Government N 328	Sub-Programme 1, 2 and 3	–	Uneven distribution of resources across multiple subprograms, funding cuts.
5. Order of the Government N 1715-r	Points II., III., VI., VIII.	Highlighted the main development goals of the oil industry.	- Insufficient validity of forecasts. - Significant excess of the indicated growth in oil prices. - Excess oil production. - Reduced relevance over the past period.
6. Strategy "Development of the seaport infrastructure of Russia until 2030"	Points 2.1., 4.1.,4.4.	Creation and development of port hubs.	–

Resolution of the Government of the Russian Federation N 328 is subdivided into many different subprograms, which is why resources are distributed unevenly [9]. In addition, funding for subprograms, in particular for "Development of production and production assets". The expected results of this program: decrease in the share of imports in domestic intake of oil and gas engineering products. The Order of the Government of the Russian Federation N 1715-r identifies the main purposes of the development of the oil industry, namely, increasing oil exports, stimulating the development of the oil industry, attracting investments into the industry [10]. However, when considering this order, the following problems were identified: insufficient validity of forecasts, a significant excess of the indicated indicator of growth in oil prices, an excess of oil production, in addition, over the past period, the relevance of this order has been reduced. The Strategy "Development of the Sea Port Infrastructure of Russia until 2030" is aimed, among other things, at the creation and growth of hub ports [11]. A port-hub is essentially a logistics center that receives consignments of cargo from ocean lines with further distribution to smaller ports. The status of a hub port guarantees a large volume of cargo traffic and the development of appropriate logistics services, therefore many ports are striving for this status.

Conclusions.

The study of regulatory documents governing the oil industry, as well as the activities of port industrial enterprises, revealed the main problematic aspects:

- indemnification for losses in case of accidental loss of cargo during transportation is not provided, which may lead to environmental pollution and, as a result, to penalties;

- insufficient coverage of anti-risk measures of economic risks, which as a result may lead to losses;
- unequal distribution of resources across multiple subprogrammes, and reduced funding.
- forecasts for the growth of the oil industry are insufficiently substantiated; there is a significant excess of the indicated growth rate for oil prices and oil production.

Port industrial enterprises operate in the conditions of two systems of regulatory documents that ensure the operation of seaports and the corresponding industries, what needs to be considered in the process of managing their growth and development. For example, the law “On seaports in the Russian Federation” allows the conduct of activities on the territory of ports, however, the law “On transport safety” and the order “On the strategy for the development of the petrochemical complex” restrict the conduct of activities due to many risks associated with the ecological and economic environment.

The decree "On the Energy Strategy of Russia for the Period up to 2030" outlines the main goals related to the development of the oil industry, but in the decree "Development of Industry and Increasing its Competitiveness", which also has a program for the growing of this industry, there is a lack of financial resources for industry development programs.

Thus, a study of the institutional environment of oil industry enterprises operating in ports showed that many norms and laws governing the activities of companies are outdated, and some even contradict each other. Along with the development opportunities for companies, which are provided by the regulatory framework, there are difficulties due to the functioning of two systems of regulatory documents that ensure the operation of seaports and industries, what to consider when developing an enterprise strategy.

References:

1. Brazovskaya Y.E. Legal regulation of the activities of sea ports. Educational and methodological guide. Saint-Petersburg. Publishing house of the GUMRF named after Adm. S. O. Makarov – 2017
2. Kudritskaya N.V. Methodological foundations of the study of the institutional development of water transport in Ukraine // Formation of market relations in Ukraine - 2020.
3. Lisovsky M.I. Motives and risks of companies entering foreign markets. [Electronic Source] <https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/846/1/104.pdf>
4. Loginova T.V. Prospects for organizations entering the international market"// IN SITU-2017.
5. Orlova V.G. Port-industrial zones: conditions and sources of development // Bulletin of the Southern Federal University. Engineering, vol. 133, no. 8, 2012, pp. 115-120.
6. Federal Law of 09.02.2007 N 16-FZ (as amended on 02.12.2019) "On Transport Safety".
7. Federal Law of 08.11.2007 N 261-FZ (as amended on 27.12.2018) "On seaports in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation".
8. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia N 651, the Ministry of Energy of Russia N 172 of 08.04.2014 (as amended on 14.01.2016) "On approval of the Strategy for the development of the chemical and petrochemical complex for the period up to 2030".
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.04. 2014 N 328 "On approval of the state program of the Russian Federation "Development of industry and increasing its competitiveness".
10. Order of the Government of the Russian Federation of 13.11.2009 N 1715-r "On the Energy Strategy of Russia for the period up to 2030".
11. “Strategy for the development of the seaport infrastructure of Russia until 2030” (approved by the Marine Board under the Government of the Russian Federation on September 28, 2012).

For citation:

Ivanenko T.A., Orlova V.G. Analysis of the institutional framework for international partnership of a port-industrial enterprise // Online scientific journal «Management in economic and social systems». 2020. No. 3(5). URL: <http://www.journal-mes.ru>

BioNote:

Ivanenko Tatyana Alekseevna, Master’s student of Management and Innovative Technologies Department of Institute of the Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University, Taganrog, Russia.
Contact information: tanechka.ivanenko@mail.ru

Orlova Vlada Georgievna, Candidate of Economics, Associate professor, associate professor Management and Innovative Technologies Department of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University, Taganrog, Russia.
Contact information: vlada2266@gmail.com